

ISSN: 3033-6880

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Актуальные
научные
исследования и
разработки

№ 2 / 2025

<https://currentresearch.ru/>

Главный редактор журнала:

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия

Заместитель главного редактора: Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Голенко Диана Викторовна, доктор юридических наук, кафедра уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, Самара, Россия

Грунтов Игорь Олегович, доктор юридических наук, профессор, научный консультант кафедры уголовного права юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Дакен Джейн С., PhD, доцент уголовного правосудия и криминологии, Университет штата Сэм Хьюстон, Хантсвилл, США

Дерлич Драгана, доктор философии по криминологии, доцент, Университет Южной Джорджии, Стейтсборо, США

Иесуэ Лаура, постдокторант, доцент уголовного правосудия и криминологии, Университет штата Сэм Хьюстон, Хантсвилл, США

Кларк Валери, PhD (социология и криминология), Департамент исправительных учреждений Миннесоты, Сент-Пол, США

Клементс Ричард, кандидат юридических наук, Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды

Клечковска Агата, кандидат юридических наук, доцент, Польская академия наук, Варшава, Польша

Кодиркулов Хуршед Рахмонович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Таджикский национальный университет, Душанбе, Таджикистан

Латыпов Вадим Сагитьянович, доктор юридических наук, кафедра уголовного процесса, Уфимский юридический институт МВД РФ, Уфа, Россия

Лю Ю-Сюань, PhD (уголовное правосудие), Университет Святого Иоанна, Нью-Йорк, США

Магомедова Ольга Сергеевна, доктор юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Россия

Маслова Светлана Валентиновна, доктор юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Мещеряков Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Морган Скайлер, PhD, доцент факультета криминологии, уголовного правосудия и управления в чрезвычайных ситуациях, Калифорнийский государственный университет Лонг-Бич, США

Наумов Вячеслав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Прихожая Людмила Евгеньевна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

Сазонова Кира Львовна, доктор юридических наук, Международный институт государственной службы и управления, РАНХиГС, Москва, Россия

Соццо Максимо, кандидат юридических наук, профессор социологии, права и криминологии, Национальный университет Литорала, Санта-Фе, Аргентина

Стикл Бен, доктор философии (управление правосудием), доцент управления уголовного правосудия, Университет штата Средний Теннесси, Мерфрисборо, США

Ся Ивэй, кандидат социологических наук, Юго-Западный университет финансов и экономики, Чэнду, Китай

Тараборин Роман Сергеевич, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кафедра теории и истории государства и права, Екатеринбург, Россия.

Углицких Дмитрий Васильевич, кандидат юридических наук, Московский областной филиал Московского университета МВД РФ им. В.Я. Кикотя, Москва

Харевич Дмитрий Людвигович, кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности, Академия МВД Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Харевич Дмитрий Людвигович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Хохрин Сергей Александрович, доктор юридических наук, юридический институт, Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия

Чугунов Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Янгаева Марина Олеговна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

Учредитель и издатель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул.

Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: <https://currentresearch.ru/>

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-90327

ISSN: 3033-6880

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Актуальные научные исследования и разработки, 2025 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

5.1.4. Уголовно-правовые науки

5.1.5. Международно-правовые науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Актуальные научные исследования и разработки» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования.

Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные научные исследования и разработки» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Gromov Vladimir Gennadyevich, Doctor of Laws, Professor, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Deputy Chief Editor: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Golenko Diana Viktorovna, Doctor of Laws, Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University named after S.P. Korolev, Samara, Russia

Gruntov Igor Olegovich, Doctor of Laws, Professor, Research Consultant, Department of Criminal Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Daquin Jane C., PhD, Associate Professor, Department of Criminal Justice and Criminology, Sam Houston State University, Huntsville, USA

Derlic Dragana, PhD in Criminology, Associate Professor, Georgia Southern University, Statesboro, USA

Iesue Laura, Postdoctoral Fellow & Assistant Professor, Department of Criminal Justice and Criminology, Sam Houston State University, Huntsville, USA

Clark Valerie, PhD in Sociology and Criminology, Minnesota Department of Corrections, Saint Paul, USA

Clements Richard, PhD in Law, Tilburg University, Tilburg, Netherlands

Kleczkowska Agata, PhD in Law, Associate Professor, Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

Kodirkulov Khurshed Rakhmonovich, PhD in Law, Associate Professor, Department of International Law, Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan

Latypov Vadim Sagityanovich, Doctor of Laws, Department of Criminal Procedure, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

Liu Yu-Hsuan, PhD in Criminal Justice, St. John’s University, New York, USA

Magomedova Olga Sergeevna, Doctor of Laws, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia

Maslova Svetlana Valentinovna, Doctor of Laws, Associate Professor, Department of Public and Municipal Administration, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Meshcheryakov Vladimir Alekseevich, Doctor of Laws, Professor, Department of Criminalistics, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Morgan Skyler, PhD, Associate Professor, Department of Criminology, Criminal Justice & Emergency Management, California State University, Long Beach, USA

Naumov Vyacheslav Viktorovich, PhD in Law, Associate Professor, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia

Prikhozhaya Lyudmila Evgenyevna, PhD in Law, Senior Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

Sazonova Kira Lvovna, Doctor of Laws, International Institute of Public Administration and Management, RANEPa, Moscow, Russia

Sozzo Maximo, PhD in Law, Professor of Sociology, Law and Criminology, National University of the Littoral, Santa Fe, Argentina

Stickle Ben, PhD in Justice Administration, Associate Professor, Middle Tennessee State

University, Murfreesboro, USA

Xia Yiwei, PhD in Sociology, Southwestern University of Finance and Economics, Chengdu, China

Taraborin Roman Sergeyevich, Doctor of Laws, Associate Professor, Head of the Department of Public Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Department of Theory and History of State and Law, Yekaterinburg, Russia.

Uglitskikh Dmitriy Vasilyevich, PhD in Law, Moscow Regional Branch, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Kharevich Dmitry Lyudvikovich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Operational-Search Activities, Academy of the Ministry of Internal Affairs of Belarus, Minsk, Belarus

Kharevich Dmitry Lyudvikovich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Operational-Search Activities, Faculty of Criminal Militia, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Khokhrin Sergey Aleksandrovich, Doctor of Laws, Law Institute, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia

Chugunov Aleksandr Aleksandrovich, PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head, Department of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia

Shidlovskiy Andrey Viktorovich, PhD in Law, Associate Professor, Dean, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Yangaeva Marina Olegovna, PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminalistics, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

Founder and publisher:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: <https://currentresearch.ru/>

Media registration number: No. FS77-90327

ISSN: 3033-6880

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Current Research and Development, 2025

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

5.1.4. Criminal law Sciences

5.1.5. International Legal Sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Actual scientific research and Development" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using the published materials of the journal, a link to "Current scientific research and development" is mandatory.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors' point of view does not always coincide with the authors' point of view.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5.1.4. Уголовно-правовые науки.....	9
Грэм Л.Д. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРИЗНАНИЯ ПРИОРИТЕТА УПК РФ ПЕРЕД ИНЫМИ ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ЗАКОНАМИ	9
Себастьян Дж. О НЕКОТОРЫХ ОСНОВАНИЯХ ОТМЕНЫ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 389.17 УПК РФ.....	20
Мороз О. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ КАК УСЛОВИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ	32
Куницкая О.М. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ЛИЦА ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ	44
Ярмоц Е. ПРЕВЫШЕНИЕ ПРЕДЕЛЬНОГО СРОКА СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ КАК ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	57
5.1.5. Международно-правовые науки	68
Шопен Ж. О ПРОБЛЕМЕ ПРИЗНАНИЯ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМОВ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ЗА РУБЕЖОМ.....	68
Фраделла Г. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ЧАСТНЫХ ИНВЕСТОРОВ	79
Тейлор М.П. УЧЕТ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ...	90
Рохов Д. ПРАВО ЧЕЛОВЕКА ИСКАТЬ УБЕЖИЩА ОТ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ДРУГИХ СТРАНАХ: НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ	102
Коккалера С. ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА КИБЕРПРОСТРАНСТВА.....	115

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Научная статья

УДК 343.1

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРИЗНАНИЯ ПРИОРИТЕТА УПК РФ ПЕРЕД ИНЫМИ ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ЗАКОНАМИ

**Грэм Люк Д., к.ю.н., старший преподаватель кафедры публичного права и
прав человека, Манчестерский университет, Манчестер, Англия,
Великобритания, lukegrahamuk@outlook.com**

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые актуальные дискуссионные вопросы признания приоритета УПК РФ перед иными федеральными законами. Ключевой нормой, определяющей статус УПК РФ, является ст. 1, где упоминается именно об УПК РФ, а также о источниках международного права, об иных же федеральных законах не говорится. Такой же подход представлены и в ст. 7 УПК РФ в контексте обеспечения законности. В судебной практике, однако, статус УПК РФ в соотношении с иными федеральными законами нередко ставится под сомнение, в этой статье некоторые ее примеры приведены, отмечено наличие соответствующих противоречий УПК РФ и практики его толкования. Сама проблема касается не только производства в отношении тех или иных субъектов, статус которых регламентируется нормами иных федеральных законов, но и решения вопроса о полномочиях, которые, с одной стороны, могут определяться специальным законодательством, с другой стороны, нормами УПК РФ. С учётом этого сделаны выводы о наличии противоречий и целесообразности их устранения, причём с ориентацией на приоритетность УПК РФ. Поэтому предлагается исключить возможность разрешения вопросов уголовно-процессуального характера на основе иных федеральных законов.

Ключевые слова: иные федеральные законы, статус кодекса, статус федерального закона, УПК РФ, юридическая сила НПА

Статья поступила в редакцию 13.08.2025, одобрена после рецензирования 07.10.2025, принята к публикации 14.11.2025.

Original article

CONTROVERSIAL ISSUES OF RECOGNIZING THE PRIORITY OF THE CPC OF THE RUSSIAN FEDERATION OVER OTHER FEDERAL LAWS

Luke D. Graham, Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Public Law and Human Rights, The University of Manchester, Manchester, England, United Kingdom

Abstract

The article discusses some current controversial issues of recognizing the priority of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation over other federal laws. The key norm defining the status of the CPC of the Russian Federation is Article 1, which specifically mentions the CPC of the Russian Federation, as well as the sources of international law, but does not mention other federal laws. The same approach is presented in Article 7 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the context of ensuring legality. In judicial practice, however, the status of the CPC of the Russian Federation in relation to other federal laws is often questioned, some examples of it are given in this article, and the existence of relevant contradictions between the CPC of the Russian Federation and the practice of its interpretation is noted. The problem itself concerns not only proceedings against certain entities whose status is regulated by the norms of other federal laws, but also the issue of powers, which, on the one hand, may be determined by special legislation, on the other hand, the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. With this in mind, conclusions are drawn about the existence of contradictions and the expediency of their elimination, and with a focus on the priority of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Therefore, it is proposed to exclude the possibility of resolving issues of a criminal procedural nature on the basis of other federal laws.

Keywords: other federal laws, the status of the code, the status of the federal law, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the legal force of the NPA

Введение

УПК РФ [2] в правовом регулировании отношений в рамках уголовного процесса, по общему правилу, закреплённому в ст. 1, имеет безусловный приоритет. Однако в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда приоритетная сила УПК РФ ставится под сомнение и на первый план по своей значимости выходят иные федеральные законы. В подобных ситуациях нередко возникают вопросы по поводу соотношения УПК РФ с иными федеральными законами, которые даже становятся предметом рассмотрения в Верховном и Конституционном судах РФ. Отсюда и научный интерес к данной теме.

Основная часть

Статус УПК РФ как нормативно-правового акта (НПА), регулирующего правоотношения в области уголовного судопроизводства, определяется в ст. 1 вполне однозначно: исходя из ч. 1, можно полагать, что именно данный Кодекс является единственным источником правовых норм, обеспечивающих регламентацию уголовного судопроизводства.

Такой взгляд на статус УПК РФ можно расценивать как обоснованный, в том числе и исходя из обеспечения некоторого единства уголовно-процессуального законодательства. Это позволяет также свести к минимуму возможные противоречия между УПК РФ и иными федеральными законами, а противоречия в целом российскому законодательству весьма свойственны.

Конечно же нельзя не отметить и фактор упрощения: сосредоточение если не всех, то, по крайней мере, подавляющего большинства норм в рамках одного законодательного акта исключает необходимость при разрешении тех или иных вопросов обращаться к двум или более источникам законодательства. В этом

смысле в УПК РФ прослеживается тот же подход, какой законодателем используется в рамках правовой регламентации уголовной ответственности.

Сказанное не означает, что вовсе отсутствуют противоречия и трудности в определении приоритетного законодательного акта в отдельных случаях уголовного судопроизводства, ведь деятельность отдельных субъектов, которые так или иначе принимают участие в уголовном процессе, зачастую регулируется иными федеральными законами, в том числе имеющими, имеющими специальный характер, что не исключает противоречий.

В этой связи стоит обратиться к ст. 7 УПК РФ, где данный аспект раскрыт с позиций обеспечения законности отдельными субъектами, участвующими в уголовном судопроизводстве. Так, ч. 1 ст. 7 УПК РФ предписывает суду, прокурору, следователю, органу дознания, иным субъектам руководствоваться исключительно нормами УПК РФ, запрещая при этом применять федеральный закон, который нормам УПК РФ противоречит. При наличии же противоречий суду предписывается применять именно нормы УПК РФ. Нарушение норм данного Кодекса законодатель расценивает как недопустимое действие, особенно применительно к получению доказательств.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [5] (далее – Постановление КС РФ № 13-П) был дан ряд разъяснений относительно некоторых нюансов.

Во-первых, суд подчеркнул наличие у законодателя права предусмотреть приоритет УПК РФ перед иными федеральными законами применительно к регулированию уголовно-процессуальных отношений. При этом особо была отмечена и роль единства режима законности. Думается, что именно единство такого режима УПК РФ и обеспечивает, имея приоритет. В отсутствие же приоритета вряд ли можно было бы единство режима законности обеспечивать.

Одновременно с тем Конституционный Суд подчеркнул, что сам приоритет безусловным не является, а его ограниченность обуславливается рамками специального предмета регулирования, то есть исключительно рамками уголовного судопроизводства. Иными словами, УПК РФ является приоритетным источником законодательства исключительно в рамках уголовного судопроизводства, те же сферы правоотношений, которые в уголовное судопроизводство не входят, его нормами не регламентируются. Исходя из этого, Конституционный Суд подчеркнул и отсутствие каких-либо противоречий между УПК РФ, в частности, ст. 7, и федеральными конституционными законами.

Изложенная позиция Конституционного Суда относительно ограниченности приоритета УПК РФ продолжает сохраняться актуальной уже на протяжении более 20 лет, то есть в целом пересмотр статуса УПК РФ не происходил.

Ключевым основанием, исходя из которого решается вопрос о приоритетности, является именно предмет регулирования и воля самого законодателя. Ориентируясь на нормы УПК РФ в целом и на ст. 1 и 7 в частности, можно сказать, что законодатель, без сомнения, желал придать приоритет данному Кодексу. В этом была его воля. Однако не последним фактором, обуславливающим приоритет Кодекса или иного федерального закона, является предмет регулирования. И УПК РФ имеет приоритет не только исходя из непосредственной воли законодателя, но и исходя из предмета регулирования в рамках уголовного судопроизводства: его можно назвать специальным источником законодательства. Это тоже немаловажный фактор. А на особую роль предмета правового регулирования обращается внимание и в научной литературе [9, с. 117].

Важно уточнить, что область, в рамках которой УПК РФ имеет приоритет, очерчивается исключительно пределами уголовного судопроизводства. В этой связи данный Кодекс имеет преимущество перед иными федеральными законами

лишь в тех рамках, в которых иные федеральные законы непосредственно затрагивают вопросы производства по уголовным делам, противореча при этом его нормам [9, с. 118]. Соответственно, если какой-либо федеральный закон регулирует какие-либо смежные аспекты, но непосредственно не касается уголовного процесса, то очевидно, что он может рассматриваться как приоритетный перед УПК РФ, и в этом случае коллизия не усматривается.

В рамках данной проблематики нельзя не коснуться и такого аспекта, как соотношение УПК РФ с Уголовно-исполнительным кодексом РФ [1] (далее – УИК РФ). Специфика данного вопроса в том, что и один, и другой законодательные акты имеют статус кодифицированных источников законодательства, причём во многих аспектах сферы их регулирования пересекаются. Поэтому совершенно не случайно констатируется некоторая дихотомия. При этом отмечается, что в настоящее время не только на нормативном, но и на теоретическом уровне отсутствуют предпосылки для установления каких-то взаимосвязей между УПК РФ и УИК РФ, за исключением встроенного в структуру УПК нормативного образования, размещенного в самостоятельной гл. 47. Имея уголовно-исполнительную природу и являясь дополнительным по отношению к основному производству по уголовному делу, уголовно-исполнительное судопроизводство не получило соответствующего развернутого правового регулирования внутри УПК, чем еще раз была подчеркнута его специфика и автономность в уголовном процессе [8].

Достаточно интересным являются отдельные дела, которые касаются уголовных разбирательств в отношении отдельных субъектов, имеющих особый (специальный статус), в частности, в отношении судей, а также дела, в рамках которых возникают трудности в части определения процессуальных и связанных с ними полномочий определенных должностных лиц.

Так, в судебной практике уже имел место случай, когда ставился вопрос о соотношении УПК РФ с Законом РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» [3] (далее – Закон о статусе судей).

Конституционный суд при этом в Постановлении от 14.05.2015 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 11 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации» [6] постановил признать п. 5 ст. 11 указанного Закона не соответствующим отдельным нормам Конституции РФ в той мере, в какой их положения не обеспечивают согласованность организационных условий осуществления судейских полномочий, причём именно с учётом УПК РФ, который предписывает рассматривать уголовные дела неизменным составом суда. В этой связи было подчёркнуто, что замена судьи должна быть вызвана объективными, уважительными, исключительными причинами, которые не позволяют осуществлять им правосудие фактически либо юридически. Конституционный суд подчеркнул также, что даже назначение судьи на должность в другом суде не даёт возможности расценивать это обстоятельство как препятствие для рассмотрения им по существу дела, начатого с его участием.

То есть приоритет был отдан именно нормам УПК РФ, призванным обеспечить целостность производства по конкретному уголовному делу, а не нормам законодательства о статусе судей, на основании которого произошли некоторые изменения, касающиеся места осуществления профессиональной деятельности судьи.

Стоит обратить внимание на другой пример, когда имело место рассмотрение вопроса о соотношении УПК РФ с иными федеральными законами. Так, граждане Б.В. и Б.М. были признаны виновными в получении взяток, являясь лицами, занимающими государственную должность РФ, государственную должность субъекта РФ. Оспаривая приговор в кассационном порядке, их адвокаты ссылались на то, что дело в отношении указанных субъектов рассмотрено и приговор постановлен с нарушением норм Федерального закона от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской

Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [4].

Примечательно, что в обоснование своей позиции адвокаты ссылались на научно-правовое заключение специалиста, где со ссылкой на указанный Закон говорилось о необходимости получения согласия Государственной Думы на передачу уголовного дела в отношении депутата в суд, а также о том, что данное положение имеет приоритет перед нормами УПК РФ, которыми руководствовался суд первой инстанции. Примечательно, что суды первой и апелляционной инстанций не усмотрели приоритета указанного Федерального закона перед УПК РФ, который на момент рассмотрения дела не предусматривал получения на то согласия Федерального собрания, то есть Государственной Думы, как не предусматривал это и в последующем. В Верховном Суде РФ сочли иначе, сославшись на позицию Конституционного Суда РФ о том, что приоритет УПК РФ не является безусловным. В итоге приговор Московского городского суда был отменён, а уголовное дело передано на новое рассмотрение иным составом суда [7].

Заключение

УПК РФ не обладает безусловным приоритетом перед иными федеральными законами. Этот приоритет диктуется лишь «общим правилом» и во многом является условным. Он продиктован именно тем, что сам законодатель пожелал придать УПК приоритет в определённых аспектах, а также специальным характером норм УПК, которые предназначены именно для регулирования вопросов уголовного судопроизводства.

Что касается норм УПК РФ, которые запрещают применять иные федеральные законы, противоречащие УПК, для решения вопросов уголовно-процессуального характера, они не вполне однозначно трактуются как Верховным, так и Конституционным судом. Главная проблема состоит в определении предмета правового регулирования, а он, оказывается весьма размытым.

Для устранения такого противоречия. Законодателю целесообразно пересмотреть подход к регулированию не только уголовно-процессуальных, но и иных смежных правоотношений, исключив возможность коллизий. Думается, что все особенности производства по уголовным делам должны определяться исключительно нормами УПК РФ, ну никак не иными федеральными законами.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (I ч.). Ст. 4921.
3. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 26. Ст. 2399.
4. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 07.06.2025) «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2015 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 11 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2023 № 5-УД23-104-А1 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Николюк В. В. К вопросу о соотношении уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 10. С. 99–115.
9. Сеницын А.В. Конституционные гарантии приоритета уголовно-процессуального кодекса России перед другими нормативными правовыми актами при производстве по уголовному делу // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 4. С. 115–119.

References

1. Uголовно-исполнител`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 08.01.1997 № 1-FZ (red. ot 28.12.2024) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1997. № 2. St. 198.
2. Uголовно-процессуал`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2001. № 52 (I ch.). St. 4921.
3. Zakon RF ot 26.06.1992 № 3132-1 (red. ot 10.07.2023) «O statute sudej v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1995. № 26. St. 2399.
4. Federal`ny`j zakon ot 08.05.1994 № 3-FZ (red. ot 07.06.2025) «O statute senatora Rossijskoj Federacii i statute deputata Gosudarstvennoj Dumy` Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul`tantPlyus».
5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 29.06.2004 № 13-P «Po delu o proverke konstitucionnosti otdel`ny`x polozhenij statej 7, 15, 107, 234 i 450 Uголовно-процессуал`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom gruppy` deputatov Gosudarstvennoj Dumy`» // SPS «Konsul`tantPlyus».
6. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.05.2015 № 9-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 5 stat`i 11 Zakona Rossijskoj Federacii O statute sudej v Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom Prezidiuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul`tantPlyus».
7. Opredelenie Sudebnoj kollegii po uголовny`m delam Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27.12.2023 № 5-UD23-104-A1 // SPS «Konsul`tantPlyus».

8. Nikolyuk V. V. К вопросу о соотношении уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 10. С. 99–115.
9. Sinicyн A.V. Конституционные гарантии приоритета уголовно-процессуального кодекса России перед другими нормативными правовыми актами при производстве по уголовному делу // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 4. С. 115–119.

Научная статья

УДК 343.156

О НЕКОТОРЫХ ОСНОВАНИЯХ ОТМЕНЫ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 389.17 УПК РФ

**Себастьян Джон, Ph.D., доцент, Глобальный университет OP Jindal,
Сонипат, Индия, jsebastianin@bk.ru**

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению некоторых оснований отмены судебного решения, которые предусмотрены ст. 389.17 УПК РФ. Речь идёт о стадии апелляционного обжалования судебных решений, которые не вступили в законную силу и пересматриваются по заявлению заинтересованных сторон. Основными критериями, с позиции которых судебные решения пересматриваются, являются законность, обоснованность и справедливость (применительно к приговору) либо законность и обоснованность (применительно к иным решениям суда первой инстанции). Главное внимание в данной статье уделяется анализу существенных нарушений уголовно-процессуального закона, наличие которых, согласно ст. 389.17 УПК РФ, является безусловным основанием для отмены или изменения судебного решения. Перечень таких нарушений достаточно широк и некоторые из них носят спорный характер, могут оцениваться сугубо субъективно. Одной из проблем рассматриваемой темы является вопрос о том, какие именно нарушения признавать существенными. Серьёзной проблемой, поднимаемой в статье, отмечаются и потенциальные возможности игнорирования нарушений, де-юре не признаваемых существенными, несмотря на то что в определённых случаях они могут иметь немаловажное значение. Выявленные проблемы подтверждаются анализом материалов судебной практики. По итогу предлагаются идеи, которые могут позволить усовершенствовать уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: апелляционное производство, законность, обжалование судебного решения, приговор, существенные нарушения, УПК РФ

Статья поступила в редакцию 30.05.2025, одобрена после рецензирования 01.08.2025, принята к публикации 14.11.2025.

Original article

**ON SOME GROUNDS FOR THE ANNULMENT OF A COURT DECISION
PROVIDED FOR IN ARTICLE 389.17 OF THE CODE OF CRIMINAL
PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**Sebastian John, Ph.D., Associate Professor, OP Jindal Global University,
Sonipat, India**

Abstract

The article is devoted to the consideration of some grounds for the cancellation of a court decision, which are provided for in Article 389.17 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. We are talking about the stage of appeal of court decisions that have not entered into force and are being reviewed at the request of interested parties. The main criteria from which judicial decisions are reviewed are legality, validity and fairness (in relation to the verdict) or legality and validity (in relation to other decisions of the court of first instance). The main attention in this article is paid to the analysis of significant violations of the criminal procedure law, the presence of which, according to Article 389.17 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, is an unconditional basis for the cancellation or amendment of a court decision. The list of such violations is quite wide, and some of them are controversial and can be assessed purely subjectively. One of the problems of the topic under consideration is the question of which violations should be recognized as significant. A serious problem raised in the article is the potential for ignoring violations that are not de jure recognized as significant, despite the fact that in certain cases they may be of no small importance. The identified problems are confirmed by

the analysis of judicial practice materials. As a result, ideas are proposed that can make it possible to improve the criminal procedure legislation.

Keywords: appeal proceedings, legality, appeal of a court decision, verdict, significant violations, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation

Введение

Законодательная дифференциация нарушений уголовно-процессуального закона на существенные и несущественные имеет немаловажное значение, причём это значение не только научно-теоретическое, но и практическое [5, с. 12], ведь именно оценка каждого нарушения с позиции существенности (несущественности) определяет процессуальные последствия: только существенные нарушения позволяют отменять полностью или в части принятое судом первой инстанции решение. При этом в вопросах оценки судебных решений на предмет наличия существенных нарушений есть немало спорных вопросов, требующих всестороннего анализа.

Основная часть

Анализируя вопросы отмены судебного решения в рамках уголовного судопроизводства, необходимо обратиться к ключевым нормам, которые регламентируют основания, условия, порядок обжалования. Среди них ст. 389.2 УПК РФ [1], допускающая обжаловать в апелляционном порядке исключительно те решения, которые в законную силу не вступили.

Ст. 389.9 УПК РФ вполне конкретно определяет предмет судебного разбирательства в рамках апелляционного порядка. Исходя из ее положений, в апелляционном порядке проверяется:

1. Относительно приговора:

- законность,
- обоснованность,
- справедливость.

2. Относительно иного решения суда:

- законность,
- обоснованность.

Важно подчеркнуть, что для отмены приговора или иного судебного решения достаточно лишь, чтобы оно не отвечало хотя бы одному из перечисленных критериев.

Позволяя заинтересованным субъектам обжаловать соответствующие решения в апелляционном порядке, законодатель тем самым обеспечил возможность для более последовательного соблюдения принципов уголовно-процессуального законодательства, в том числе презумпции невиновности, состязательности, свободы оценки доказательств, законности и пр.

Принципиально важно подчеркнуть, что, выделяя основания, при наличии которых решение подлежит отмене, законодатель создал вполне чёткий механизм для выявления ошибок и нарушений, допущенных не только в рамках судебного рассмотрения дел, но и в процессе расследования, то есть на досудебных стадиях производства [8, с. 53].

В контексте изложенного следует подчеркнуть, что вопрос существенных нарушений непосредственно касается соблюдения предусмотренного ст. 7 УПК РФ принципа законности при производстве по уголовному делу.

Здесь, безусловно, основное внимание стоит сосредоточить на положениях ст. 389.17 УПК РФ, полностью посвящённой существенным нарушениям уголовно-процессуального закона. В ч. 1 указанной статьи существенными признаются такие нарушения, которые повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения путём:

1. Лишения гарантированных прав.
2. Ограничения гарантированных прав.
3. Несоблюдения процедуры производства.
4. Иным путём.

Конечно, в литературе предлагаются и иные варианты трактовки понятия «существенные нарушения уголовно-процессуального закона», и их

рассмотрение важно для более глубокого осмысления данного феномена [10, с. .262]. Так, А.И. Григорьев предложил к существенным относить такие нарушения, которые не были устранены или носят в принципе неустранимый характер на текущей и (или) на последующих стадиях уголовного процесса, если таковые влекут или могут повлечь за собой вынесение незаконного и (или) необоснованного судебного решения [5, с. 13]. Примечательно, что данный автор тоже не упоминает о справедливости, которой должен соответствовать любой выносимый приговор.

Законодатель в целом придерживается широкого варианта трактовки существенного нарушения уголовно-процессуального закона, что представляется оправданным. И такой подход, очевидно, применяется именно на пользу подозреваемым, обвиняемым и прочим лицам, преследуемым в уголовном порядке. Однако в этом определении видится весьма серьёзный недостаток, если учесть положения ст. 297 УПК РФ, исходя из которых приговор должен быть не только законным и обоснованным, но и справедливым. Более того, ст. 389.18 УПК РФ уделяет особое внимание проблеме неправильного применения уголовного закона и именно в контексте несправедливости приговора. В связи с этим видится необходимость пересмотра ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ в том аспекте, в каком она не упоминает о влиянии на вынесение именно справедливого судебного решения.

В контексте изложенного следует обратить особое внимание на ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ, перечисляющей следующие основания, наличие которых обязывает суд в любом случае изменить или отменить судебное решение:

1. Непрекращение уголовного дела судом при наличии оснований для его прекращения, согласно ст. 254 УПК РФ.
2. Вынесение судебного решения при незаконном составе суда или незаконном составе коллегии присяжных заседателей.
3. Рассмотрение уголовного дела при отсутствии подсудимого, за исключением предусмотренных УПК РФ случаев.

4. Рассмотрение уголовного дела без участия адвоката или с иным нарушением права обвиняемого на помощь адвоката.

5. Нарушение права подсудимого давать показания на родном языке и пользоваться помощью переводчика.

6. Лишение подсудимого возможности участвовать в прениях сторон.

7. Лишение подсудимого последнего слова.

8. Нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей.

9. Обоснование приговора доказательствами, которые признаны судом недопустимыми.

10. Отсутствие подписи судьи на судебном решении.

11. Отсутствие протокола судебного заседания.

То есть в целом законодатель предусматривает достаточно широкий круг оснований для отмены или изменения судебного решения, в том числе приговора, а с учетом ссылок на иные нормы в данной статье, круг оснований становится ещё более широким, нежели указан в рассматриваемой норме.

Очевидно, что каждое из оснований может стать самостоятельным предметом исследования, особенно с учётом их спорного характера. Конечно, большинство перечисленных оснований являются вполне конкретными, но некоторые весьма размыты, сформулированы не вполне определённо.

Так, не вполне понятно, может ли уголовное дело быть признано рассмотренным без участия защитника, если он отсутствовал лишь в течение ограниченного промежутка времени в рамках одного судебного заседания.

Не вполне понятно и то, как следует квалифицировать п. 5 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ, признающий основанием для отмены или изменения приговора лишение подсудимого права пользоваться помощью переводчика, если переводчиком оказывалась помощь, но не вполне квалифицированная, а том числе если перевод осуществлялся, но фрагментарно.

Не вполне понятно и то, как квалифицировать непредоставление подсудимому последнего слова, если слово было предоставлено, однако он был

жёстко ограничен во времени и не смог высказать по сути дела все, что считает важным.

Особое внимание стоит обратить на обоснование приговора доказательствами, которые суд признал недопустимыми. Конечно, нет сомнений в том, что недопустимые доказательства не могут быть положены в основу обвинения. Более того, они не должны и учитываться при вынесении решения. Вместе с тем, ч. 1 ст. 88 УПК РФ предписывает оценивать доказательства не только по критерию допустимости, но и по критериям относимости, достоверности, а в целом - по критерию достаточности. Соответственно, было бы разумно дополнить ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ указанием на обоснование приговора доказательствами, не отвечающими также критериям относимости, достоверности, а в целом - достаточности.

Вообще оценка судебного решения в рамках апелляционного производства с позиции оснований, представленных в ст. 389.17 УПК РФ, имеет особое значение, поскольку только в апелляционном порядке сохраняется возможность пересмотреть фактические обстоятельства дела, а в рамках кассационного и надзорного производства такая возможность не предоставляется. По этой причине законодатель предусмотрел и повышенные гарантии для вступления в законную силу приговора [8, с. 53].

Однако нельзя не признать, что само понятие «существенные нарушения» носит крайне оценочный характер, а четкие критерии установления существенности нарушений отсутствуют, что приводит не только к затруднениям в ходе отстаивания своих прав стороной защиты, но и к тому, что сторона обвинения может отступать от установленного в УПК РФ порядка собирания и закрепления доказательств, ссылаясь на то, что нарушение является несущественным [7, с. 118]. Иными словами, сам факт признания именно существенных нарушений основанием для обязательного изменения или отмены судебного решения создаёт предпосылки для совершения «несущественных

нарушений», которые судом не будут признаны основаниями для отмены или изменения решения.

Вместе с тем, подход законодателя, предполагающий разделение нарушений на существенные и несущественные, понятен: первые являются наиболее грубыми, всегда влияют на исход дела, а потому делают ничтожным весь процесс доказывания на этой стадии, поскольку выводы суда становятся юридически ничтожными и ставят под сомнение объективность и полноту всего судебного разбирательства [6, с. 152].

При этом выделяемые в ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ существенные нарушения являются по своей сути безусловными, и помимо них в литературе предлагается к существенным относить и иные нарушения, определяемые в качестве таковых в каждом конкретном случае индивидуально и рассматриваемые как условные [5, с. 13]. Индивидуальный подход представляется вполне уместными, если учесть, что суд имеет право самостоятельно оценивать существенность нарушения [10, с. 263].

Нельзя не отметить, что содержание существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, которые влияют на исход дела, в теории и на практике вызывает много вопросов [6, с. 149]. Так, оценка существенности нарушений в значительной степени зависит от усилий участвующих в разбирательстве сторон. В частности, вопрос о признании доказательств недопустимыми рассматривается, прежде всего, по ходатайству заинтересованной стороны [2]. Но ведь ходатайство может и не поступить, и в таком случае суд вполне может проигнорировать то или иное нарушение.

В литературе обращается внимание и на проблему несущественных нарушений. При этом подчеркивается, что почти каждое уголовное дело индивидуально, а потому иногда кажущаяся незначительной деталь может оказаться важным обстоятельством, коренным образом меняющим оценку добытых доказательств, восприятие всего уголовного дела в целом [4]. Соответственно, нарушения, признаваемые де-юре несущественными, не

следует игнорировать, особенно с учетом того, что отдельные нарушения ввиду субъективности оценки могут быть квалифицированы и как существенные, и как несущественные. Например, представляющиеся несущественными нарушения, выражающиеся в наличии опечаток в протоколе, когда общий смысл не утрачивается и содержание остается соответствующим действительности, могут быть расценены и как существенные. В частности, указание ошибочно ночного времени как времени проведения допроса повлечет за собой признание доказательства недопустимым, если не будет установлено, что присутствует именно опечатка, так как по общему правилу проведение следственных действий в ночное время в отсутствие объективной потребности не допускается [9].

Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что многие проблемы обусловлены не столько недостатками законодательства, сколько неправильным применением законодательных норм самими судами, которые в отдельных случаях вовсе игнорируют явные основания для отмены или изменения судебных решений и, например, допускают привлечение к уголовной ответственности граждан, в отношении которых уголовное преследование должно быть прекращено [3]. Тем не менее, основное внимание в решении проблематики, касающейся оснований отмены судебных решений, должно быть сосредоточено на совершенствовании норм УПК РФ.

Заключение

В правовой регламентации оснований отмены судебного решения в ст. 389.17 УПК РФ имеются определённые недостатки, анализ которых в рамках данной работы позволяет сформулировать следующие предложения.

1. Внести изменения в ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ, отнеся к существенным нарушениям, которые повлияли или могли повлиять на вынесение не только законного и обоснованного судебного решения, но и справедливого судебного решения. Предлагаемое указание на справедливое судебное решение базируется на ст. 297 УПК РФ, исходя из которой, приговор должен быть не только законным и обоснованными, но и справедливым.

2. Внести изменения в п. 9 ч. 2 ст. 398.17 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«9) обоснование приговора доказательствами, признанными судом не соответствующими критериями относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела.»

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (I ч.). Ст. 4921.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Московского областного суда от 21.11.2023 по делу № 22-8953/2023 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304162447>
4. Асянов Р. Насколько допустимы недопустимые доказательства? // Новая адвокатская газета. 2011. № 9 (98).
5. Григорьев А.И. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание к отмене или изменению приговора суда первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук Екатеринбург, 2022. 262 с.
6. Дворянкина Т.С. О существенных нарушениях закона, повлиявших на исход дела // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 1(158). С. 148-154.
7. Зворыгин И.С. Влияние существенности нарушения законодательства на признание доказательств недопустимыми // Альманах молодого исследователя. 2023. № 15. С. 116-119.

8. Панокин А.М. Основания отмены или изменения судебных решений по уголовным делам в апелляционном порядке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 1. С. 52-72.
9. Папикян А.П. Нарушения Уголовно-процессуального кодекса, связанные с процессом доказывания в правоприменительной практике // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6(182). С. 290-294.
10. Холод Д.В., Глебов В.Г. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание для отмены или изменения приговора в суде апелляционной инстанции // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 4-2. С. 261-266.

References

1. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2001. № 52 (I ch.). St. 4921.
2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 19.12.2017 № 51 «O praktike primeneniya zakonodatel`stva pri rassmotrenii ugolovny`x del v sude pervoj instancii (obshhij poryadok sudoproizvodstva)» // SPS «Konsul`tantPlyus».
3. Postanovlenie Moskovskogo oblastnogo suda ot 21.11.2023 po delu № 22-8953/2023 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304162447>
4. Asyanov R. Naskol`ko dopustimy` nedopustimy`e dokazatel`stva? // Novaya advokatskaya gazeta. 2011. № 9 (98).
5. Grigor`ev A.I. Sushhestvenny`e narusheniya ugolovno-processual`nogo zakona kak osnovanie k otmene ili izmeneniyu prigovora suda pervoj instancii: dis. ... kand. yurid. nauk Ekaterinburg, 2022. 262 s.
6. Dvoryankina T.S. O sushhestvenny`x narusheniyax zakona, povliyavshix na isxod dela // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2024. T. 19, № 1(158). S. 148-154.

7. Zvory`gin I.S. Vliyanie sushhestvennosti narusheniya zakonodatel`stva na priznanie dokazatel`stv nedopustimy`mi // Al`manax molodogo issledovatelya. 2023. № 15. S. 116-119.
8. Panokin A.M. Osnovaniya otmeny` ili izmeneniya sudebny`x reshenij po ugovnoy`m delam v apellyacionnom poryadke // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2021. № 1. S. 52-72.
9. Papikyan A.P. Narusheniya Ugolovno-processual`nogo kodeksa, svyazanny`e s processom dokazy`vaniya v pravoprimeritel`noj praktike // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2023. № 6(182). S. 290-294.
10. Xolod D.V., Glebov V.G. Sushhestvenny`e narusheniya ugovno-processual`nogo zakona kak osnovanie dlya otmeny` ili izmeneniya prigovora v sude apellyacionnoj instancii // Gumanitarny`j nauchny`j zhurnal. 2025. № 4-2. S. 261-266.

Научная статья

УДК 342, 343

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ КАК УСЛОВИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

**Мороз Олег, к.ю.н., доцент, Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, olegmoroz.fac@mail.ru**

Аннотация

Актуальность темы административной преюдиции, рассматриваемой в настоящей статье, подтверждается и мнениями, выражаемыми в научной литературе, и проблемным состоянием уголовного законодательства, а также законодательства об административных правонарушениях. Анализируя тему, автор раскрывает сущность преюдиции в её теоретико-правовом смысле, но с учётом норм действующего законодательства; обращается к Уголовному кодексу РФ, содержащему нормы, отражающие криминализацию отдельных административных правонарушений, в частности, в связи с их повторным совершением. В контексте криминализации рассматривается суть преступления, определяемая в ст. 14 Уголовного кодекса РФ, с учетом особенностей преступления, заключающегося в управлении транспортным средством в состоянии опьянения. Основное внимание здесь обращается на признак общественной опасности, и автор пытается рассмотреть данный признак не только в рамках уголовного преступления, но и в рамках административного правонарушения. В процессе анализа отмечается попытка законодателя перенести свойства преступного деяния, выражающиеся в его общественной опасности, на саму личность. В этом смысле видится возврат к имевшей место ранее советской практике. Обсуждаются аргументы как в поддержку административной преюдиции, так и против неё. С учётом этого предлагаются изменения в Уголовный кодекс РФ.

Ключевые слова: административная ответственность, административная преюдиция, криминализация, общественная опасность, преступление, уголовная ответственность, управление транспортным средством в состоянии опьянения

Статья поступила в редакцию 26.06.2025, одобрена после рецензирования 23.08.2025, принята к публикации 14.11.2025.

Original article

ADMINISTRATIVE PREJUDICE AS A CONDITION FOR CRIMINALIZING DRIVING UNDER THE INFLUENCE OF ALCOHOL

**Aleh Maroz, Candidate of Law, Associate Professor, Belarusian State
University, Minsk, Belarus**

Abstract

The relevance of the topic of administrative prejudice discussed in this article is confirmed both by the opinions expressed in the scientific literature and by the problematic state of criminal legislation, as well as legislation on administrative offenses. Analyzing the topic, the author reveals the essence of prejudice in its theoretical and legal sense, but taking into account the norms of current legislation; refers to the Criminal Code of the Russian Federation, which contains norms reflecting the criminalization of certain administrative offenses, in particular, in connection with their repeated commission. In the context of criminalization, the essence of the crime defined in Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation is considered, taking into account the specifics of the crime of driving while intoxicated. The main focus here is on the sign of public danger, and the author tries to consider this sign not only within the framework of a criminal offense, but also within the framework of an administrative offense. In the process of analysis, there is an attempt by the legislator to transfer the properties of a criminal act, expressed in its public danger, to the person himself. In this sense, we see a return to the Soviet practice that took place earlier.

Arguments are discussed both in support of and against the administrative prejudice. With this in mind, amendments to the Criminal Code of the Russian Federation are proposed.

Keywords: administrative responsibility, administrative prejudice, criminalization, public danger, crime, criminal liability, driving while intoxicated

Введение

Административная преюдиция, существующая в рамках российского уголовного права и используемая в качестве инструмента криминализации деяний, вызывает острые дискуссии. И в этой связи уместно сказать о наличии двух принципиально различающихся подходов: сторонники первого из них расценивают административную преюдицию исключительно положительно, в то время как другие, напротив, видят в ней лишь отрицательные эффекты [12, с. 278]. Изложенное в полной мере справедливо и для такого деяния, как управление транспортным средством в состоянии опьянения. Это обстоятельство опосредует и научный интерес к избранной теме.

Соответственно, в рамках настоящей статьи ставится цель дать правовую оценку института административной преюдиции применительно к преступлению, предусмотренному ч. 1 ст. 264.1 УК РФ [1].

Основная часть

Ст. 264.1 в ч. 1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за управление автомобилем, трамваем либо иным механическим транспортным средством лицом, которое находится в состоянии опьянения и при этом было ранее подвергнуто административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. То есть наличие имевшего место ранее факта назначения административного наказания является ни чем иным, как административной преюдицией.

В данном случае не представляет интереса детализация состава рассматриваемого преступления, важен сам аспект преюдиции. И в этой связи следует раскрыть её сущность, учитывая не только законодательные положения, но и представленные в научной литературе взгляды.

Отмечается наличие большого разнообразия взглядов на явление административной преюдиции и отсутствие какой-либо позиции, которая бы поддерживалась абсолютным большинством. При этом наиболее распространёнными выступают четыре концепции административной преюдиции, в рамках которых она трактуется как:

- особый способ формулирования нормы уголовного закона (формально-юридический аспект);
- как инструмент криминализации либо декриминализации (социально-юридический аспект);
- как инструмент обеспечения взаимосвязи между уголовно-правовыми и административно-правовыми нормами (межотраслевой аспект);
- как инструмент предупреждения преступности (криминологический аспект) [10, с. 10].

Каждый из перечисленных аспектов имеет своё вполне убедительное обоснование, однако, в рамках настоящего исследования наиболее значимыми представляются аспекты криминализации и предупреждения. Думается, что законодатель именно на эти нюансы обращает особое внимание.

Если рассматривать административную преюдицию более конкретно, то она может трактоваться и в качестве криминообразующего признака состава преступления, состоящего в том, что статус гражданина, как административно наказанного лица, выступает обязательным условием признания его деяния уголовно наказуемым. Такой признак, безусловно, имеет объективно-субъективную природу [10, с. 10-11], поскольку, с одной стороны, он отражает характеристику личности, с другой - формальную её оценку.

Здесь законодатель обращает первоочередное внимание именно на личность, поскольку именно от оценки личности зависит и оценка деяния, а административное правонарушение признается преступлением именно ввиду того, что данная личность его совершает не в первый раз.

Х.А. Каландаришвили, анализируя преюдицию, подчёркивает, что она представляет собой законное предположение об истинности обстоятельств уже вступившего в силу приговора или иного судебного решения [7, с. 12]. Соответственно, применительно к рассматриваемому случаю факты, которые имели место ранее, касались совершенного административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.8 или 12.26 КоАП РФ [3], в результате чего лицо было подвергнуто административному наказанию, сомнению не подлежат, во всяком случае, формально. Особенность здесь состоит в том, что, по сути, первую часть преступления образует правонарушение, признаваемое административным.

В литературе подчёркивается также деление преюдиции на общую и исключительную [7, с. 12-13], в рассматриваемом же случае имеет место именно особенная преюдиция. Некоторые ее вопросы применительно к ст. 264.1 УК РФ разъяснены Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 09.12.2008 № 25 [4] и на них уместно обратить особое внимание. Прежде всего, Пленум подчеркнул правомерность установления наличия опьянения лишь ограниченным перечнем способов, который недопустимо толковать расширительно. В частности, алкогольное опьянение устанавливается в ходе соответствующего освидетельствования.

Здесь принципиально важно подчеркнуть, что факт отказа лица от прохождения освидетельствования на состояние опьянения закон и суд приравнивают к наличию опьянения. То есть нельзя исключить ситуации, когда гражданин, не находясь в состоянии опьянения, по тем или иным причинам отказывается от прохождения освидетельствования и де-юре признается находящимся в состоянии опьянения, хотя де-факто в нём не находится.

Принципиально важно отметить и то, что сокрытие с места происшествия не исключает возможности признания гражданина виновным в рамках ч. 1 ст. 264.1 УК РФ, если после задержания он будет освидетельствован и установлен факт его опьянения.

Сам вопрос привлечения гражданина к ответственности по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ решается при условии, что именно на момент совершения деяния он являлся наказанным в административном порядке за соответствующие правонарушения. В этой связи следует обратиться к ст. 4.6 КоАП РФ, устанавливающей годичный срок, в течение которого субъект рассматривается как подвергнутый административному наказанию. Причём срок отсчитывается со дня, когда соответствующее постановление вступило в законную силу. С учётом этого Пленум Верховного Суда в анализируемом Постановлении уточнил ряд обстоятельств, которые принципиально важно выяснять при разрешении вопроса о привлечении субъекта к уголовной ответственности. Среди них выделим факт вступления постановления о назначении наказания в силу, факт его пересмотра, факт его исполнения или прекращения. Все эти обстоятельства подлежат обязательному выяснению для решения вопроса о наличии или отсутствии преюдициальных фактов.

Стоит сказать, что перед Конституционным Судом РФ уже ставился вопрос о соответствии ст. 264.1 УК РФ конституционным нормам, в частности, ст. 54, причём именно в контексте установления преюдиции, и в этом каких-либо противоречий выявлено не было. Более того, указанный орган конституционного правосудия подчеркнул, что в любом случае имеет место установление ответственности лишь за общественно опасное деяние [5].

В науке ведутся дискуссии относительно того, что же в действительности представляет общественную опасность с позиции законодателя, когда он устанавливает административную преюдицию, ведь фактически деяние квалифицируется именно исходя из предшествовавшего поведения гражданина, и именно с учётом наличия факта его привлечения к административной

ответственности. То есть одно и то же деяние, совершенное, например, двумя гражданами, один из которых ранее привлекался к административной ответственности за аналогичное деяние, а другой не привлекался, будет квалифицироваться по-разному именно в аспекте общественной опасности и оценки преступности. В деянии повторно совершившего нарушение будет усмотрена общественная опасность, в деянии же впервые совершившего нарушение общественная опасность де-юре усмотрена не будет, так как признаком общественной опасности формально обладает исключительно преступление, предусмотренное УК РФ.

Надо сказать, что в советском праве преюдиция имела место быть, однако. принятие УК РФ в 1996 г. ознаменовало отказ от данного института, по крайней мере применительно к уголовному праву. Более того, имел место и отказ от такого понятия, как «особо опасный рецидивист», то есть фактически признак опасности был перенесён с личности на деяние, что принципиально важно. Введение же административной преюдиции стало подтверждением того, что взгляд на личность, как источник опасности, вновь стал поддерживаться. В этой связи в литературе высказывается мнение о том, что теория опасного состояния личности вновь возрождается [8, с. 51].

В контексте изложенного нельзя не обратить внимание на ст. 14 УК РФ, где именно признак общественной опасности выделяется в качестве ключевой особенности преступления. В случае же применения административной преюдиции акцент делается на общественной опасности не самого деяния, а именно личности.

Примечательно, что в 2021 г. Конституционный Суд РФ обратил внимание на типовую оценку общественной опасности как критерий для криминализации деяния [6]. И в целом такой подход представляется верным. Однако личность не способна на эту оценку повлиять, если учесть, что любое деяние надлежит квалифицировать вне зависимости от конкретной личности. В связи с этим высказывается мнение о недопустимости учёта обстоятельств, которые

характеризуют личность, при решении вопроса об уголовной ответственности [8, с. 52]. Применение же законодателем института административной преюдиции отражает совершенно иной взгляд.

Обоснованно отмечается, что административное правонарушение в связи с популяризацией института административной преюдиции приобретает принципиально иное качество [12, с. 284]. Причём идеи административной преюдиции становятся популярны не только в науке, но и в практике законодательства [11, с. 17]. Она зачастую расценивается в качестве дополнительного инструмента противодействия преступности [13, с. 42].

Сущность преюдиции, по мнению А.О. Лактюхина, заключается именно в переоценке правоприменителем уровня общественной опасности деяния, что и становится основанием для фактического перевода административно-правовых отношений в категорию уголовно-правовых именно ввиду неоднократности совершения деяния [9, с. 143].

Признавая обоснованность, можно добавить, что общественная опасность деяний пересматривается не только правоприменителем, но и самим законодателем, который трактует совершенное впервые нарушение как административное правонарушение, а повторно совершенное - как уголовно наказуемое преступление.

В литературе нередко само использование административной преюдиции крайне жёстко критикуется, в том числе в диссертационных работах. Отмечается, в частности, отсутствие единообразия в конструировании соответствующих норм УК РФ. Более того, высказываются идеи относительно того, что уголовную ответственность должно влечь совершение аналогичных административных правонарушений более трех раз в течение одного года [10, с. 12].

Такая идея высказывается вне контекста конкретных деяний, и она может рассматриваться как оправданная в целом. Но есть ли смысл исключать уголовную ответственность применительно к тем случаям, когда гражданин во

второй раз в течение одного года управлял транспортным средством в состоянии опьянения? Думается, что нет.

Более того, вполне уместной была бы и постановка перед законодателем вопроса о введении уголовной ответственности уже за первый факт управления транспортным средством в состоянии опьянения. Хотя, как мы полагаем, законодатель такой взгляд не поддержит, особенно учитывая тенденцию на гуманизацию уголовного законодательства.

Заслуживает внимания и иная, весьма интересная точка зрения. С.Л. Нудель полагает, что введению уголовной ответственности должно предшествовать введение административной ответственности. Такой взгляд обосновывается тем, что криминализации должны подлежать деяния не только при условии их общественной опасности, но и при условии, когда привлечение к административной ответственности не позволяет их предупредить. В связи с этим указанный автор подчёркивает, что в России вопросы эффективности или неэффективности норм об административной ответственности на основе реальных данных не изучаются [11, с. 19].

Учитывая данное мнение, вряд ли можно поставить под сомнение обоснованность установления уголовной ответственности за управление транспортом в состоянии опьянения. Более того, административная преюдиция не позволяет в полной мере предупредить все случаи повторного совершения рассматриваемого деяния. Соответственно, уместным будет вопрос о целесообразности сохранения именно административной ответственности за управление транспортом в состоянии опьянения. И вряд ли можно усомниться в том, что приступая к управлению транспортным средством, гражданин подвергает опасности не только себя, но и окружающих. Это однозначно опасное деяние, но из соображений гуманности законодатель не позволяет его привлекать к уголовной ответственности именно за первый факт.

Заключение

Вопрос административной преюдиции остаётся спорным применительно к

деянию, предусмотренному ч. 1 ст. 264.1 УК РФ. У автора нет сомнений в том, что любое управление транспортным средством в состоянии опьянения представляет общественную опасность, законодатель же, устанавливая административную преюдицию, в данном случае де-юре такую опасность отрицает применительно к впервые совершенному деянию. То есть прослеживается противоречие в принципиально различной оценке одного и того же деяния, совершенного впервые и повторно.

С учётом изложенного перед законодателем уместно поставить вопрос об отмене административной преюдиции в рамках ч. 1 ст. 264.1 УК РФ. В таком случае диспозиция нормы может быть сформулирована в следующем виде:

«1. Управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, -».

При реализации данного решения должны быть признаны утратившими силу и нормы КоАП РФ, устанавливающие ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения впервые.

Возможно, в этом случае также следует повысить требования к процедуре доказывания самого факта наличия опьянения в целях избежания различных злоупотреблений при разрешении процессуальных вопросов привлечения к ответственности по ч. 1 ст. 264 УК РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1410-О // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2021 № 21-П // СПС «КонсультантПлюс».
7. Каландаришвили Х.А. Презумпция, преюдиция и фикция в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2021. 204 с.
8. Корнеева А.В. Уголовная и административная преюдиция - возврат к теории опасного состояния личности? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 1. С. 46-53.
9. Лактюхин А.О. Сущность административной преюдиции как правового явления // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 11. С. 135–145.
10. Мамхягов З.З. Административная преюдиция в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук Краснодар, 2022. 30 с.
11. Нудель С.Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 1. С. 5-22.
12. Соловьев О.Г., Грузинская Е.И. Юридико-технические погрешности при превращении административного проступка в преступление // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 7-1. С. 277-288.
13. Шамсумова Э.Ф., Смирнов С.А. Эволюция понятия «преюдиция» в российском праве // Российское право онлайн. 2023. № 3. С. 37-43.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konsul`tantPlyus».
2. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konsul`tantPlyus».
3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konsul`tantPlyus».

4. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 09.12.2008 № 25 // SPS «Konsul`tantPlyus».
5. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27.06.2017 № 1410-O // SPS «Konsul`tantPlyus».
6. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24.05.2021 № 21-P // SPS «Konsul`tantPlyus».
7. Kalendarishvili X.A. Prezumpciya, preyudiciya i fikciya v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk. Irkutsk, 2021. 204 s.
8. Korneeva A.V. Ugolovnaya i administrativnaya preyudiciya - vozvrat k teorii opasnogo sostoyaniya lichnosti? // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. 2023. № 1. S. 46-53.
9. Laktyuxin A.O. Sushhnost` administrativnoj preyudicii kak pravovogo yavleniya // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2023. T. 18, № 11. S. 135–145.
10. Mamxyagov Z.Z. Administrativnaya preyudiciya v ugolovnom prave: avto-ref. dis. ... kand. jurid. nauk Krasnodar, 2022. 30 s.
11. Nudel` S.L. Modernizaciya ugolovnoj politiki: problemy` pravovogo regulirovaniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. T. 27. № 1. S. 5-22.
12. Solov`ev O.G., Gruzinskaya E.I. Yuridiko-texnicheskie pogreshnosti pri prevrashhenii administrativnogo prostupka v prestuplenie // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. T. 13, № 7-1. S. 277-288.
13. Shamsumova E`.F., Smirnov S.A. E`volyuciya ponyatiya «preyudiciya» v rossijskom prave // Rossijskoe pravo onlajn. 2023. № 3. S. 37-43.

Научная статья

УДК 343.13

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ЛИЦА ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

**Куницкая Ольга Михайловна, к.ю.н., доцент кафедры хозяйственного
права юридического факультета, olgakunitsk.hm@mail.ru**

Аннотация

В статье исследуются уголовно-процессуальные проблемы предъявления лица для опознания. Ключевые аспекты данного мероприятия отражены в ст. 193 УПК РФ, на основе которой и рассматривается проблематика. Отмечаются некоторые недостатки регулирования, состоящие прежде всего в пробелах. Среди них подчёркивается отсутствие указания на допустимый промежуток времени, который может пройти от момента завершения предварительного допроса до непосредственного предъявления лиц для опознания. Отмечается неконкретность требований к общему количеству лиц, предъявляемых для опознания. Особое внимание уделено требованиям к статистам, которые представляются опознающему вместе с опознаваемым. В этом аспекте подчёркивается крайняя неопределённость требований к внешнему сходству, выражаемая в необходимости предъявления лиц, лишь «по возможности» сходных с опознаваемым, что автором понимается как возможность предъявления и лиц, которые заметных сходств с опознаваемым не имеют. Затрагиваются некоторые нюансы дистанционного предъявления для опознания с использованием видео-конференц-связи. В этом аспекте тоже усматривается чрезмерная лаконичность регулирующих норм. Среди проблем выделяется отсутствие формально определённого алгоритма, хотя таковой выработан следственной практикой. Делается общий вывод о необходимости детализации порядка предъявления для опознания и предлагаются некоторые идеи относительно совершенствования ст. 193 УПК РФ.

Ключевые слова: использование видео-конференц-связи, предъявление лица для познания, проблемы уголовного процесса, следственные действия, УПК РФ

Статья поступила в редакцию 07.07.2025, одобрена после рецензирования 06.10.2025, принята к публикации 14.11.2025.

Original article

CRIMINAL PROCEDURAL PROBLEMS OF PRESENTING A PERSON FOR IDENTIFICATION

Olga Kunitskaya, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Economic Law of the Law Faculty

Abstract

The article examines the criminal procedural problems of presenting a person for identification. The key aspects of this event are reflected in Article 193 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, on the basis of which the issue is considered. Some regulatory shortcomings are noted, consisting primarily of gaps. Among them, it is emphasized that there is no indication of the permissible period of time that may elapse from the completion of the preliminary interrogation to the direct presentation of persons for identification. There is a lack of specificity in the requirements for the total number of persons required for identification. Special attention is paid to the requirements for statisticians, which are presented to the recognizer along with the identified one. In this aspect, the extreme uncertainty of the requirements for external similarity is emphasized, expressed in the need to present persons who are only "as similar as possible" to the identified, which the author understands as the possibility of presenting persons who do not have noticeable similarities with the identified. Some nuances of remote presentation for identification using video conferencing are touched upon. In this aspect, there is also an excessive conciseness of regulatory norms. One of the problems is the lack of a formally defined

algorithm, although it has been developed by investigative practice. A general conclusion is drawn about the need to detail the procedure for presentation for identification and some ideas are proposed for improving Article 193 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: use of video conferencing, presentation of a person for cognition, problems of the criminal process, investigative actions, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Введение

Предъявление для опознания, проводимое в рамках предварительного расследования и урегулированное, прежде всего, ст. 193 УПК РФ [1], без преувеличения можно отнести к наиболее сложным и проблемным процессуальным мероприятием. Данный тезис опосредован как содержанием указанной нормы, так и сложившейся практикой её применения.

Признавая многоаспектность данной проблематики, её междисциплинарный характер (наличие связи не только с уголовным процессом, но и с криминалистикой, а также с психологией), автор в данной статье внимание акцентирует на уголовно-процессуальных аспектах.

Основная часть

Закрепляя право следователя предъявить лицо для опознания, согласно ч. 1 ст. 193 УПК РФ, законодатель лишь в общем виде урегулировал порядок производства данного действия, несмотря на особую сложность и чрезвычайную проблемность. Но хотя указанная статья не содержит какого-либо чёткого алгоритма и детальных рекомендаций, некоторые аспекты, отражённые в ней, все же важно осветить.

Обязательной частью рассматриваемого мероприятия, согласно ч. 2 ст. 193 УПК РФ, выступает допрос, носящий именно предварительный характер и касающийся исключительно обстоятельств, при которых опознающий видел

опознаваемого ранее, а также признаков, на основании которых опознающий готов опознать соответствующего субъекта.

Довольно спорным и сложным является вопрос о том, за какой именно промежуток времени до непосредственного предъявления для опознания лиц допускается проводить предварительный допрос. С.А. Роганов в этой связи задаётся вопросом о том, допустим ли такой допрос, например, за 12 месяцев до предъявления для опознания? [6, с. 355-356]. Конечно же, вопрос риторический. Однако, законодатель, полагаем, должен этот нюанс урегулировать более конкретно. Особенно если учесть, что человек забывает определённую долю информацию с течением времени, и чем больше времени проходит, тем больше информации он забывает.

Запрещено проведение повторной процедуры опознания, согласно ч. 3 ст. 193 УПК РФ, что принципиально важно, поскольку нацелено на исключение злоупотреблений со стороны органов следствия или иных заинтересованных лиц. Учитывая предоставление единственной попытки для опознания, допущение ошибки в рамках такой процедуры с чьей бы то ни было стороны исключает возможность ее устранения в дальнейшем, чем определяется особая важность уделения внимания всем деталям при производстве данного действия.

Обязательным условием производства рассматриваемого действия, согласно 4 ст. 193 УПК РФ, является предъявление вместе с опознаваемым также иных лиц, которых принято именовать статистами. Причём указанная норма предписывает подбирать статистов таким образом, чтобы их внешность была схожа с внешностью опознаваемого, но именно по возможности. Поэтому становится не вполне понятным, как именно должен поступить следователь, если лиц, которые имеют определённые сходства с опознаваемым, найти и привлечь к участию в рассматриваемом мероприятии не удалось? Более того, не конкретизируются и нюансы, которые отражали бы требуемую степень сходства. В этой связи вопросы оценки сходства решаются лишь по усмотрению следователя.

Указанной нормой также предписывается предъявлять для опознания не менее трех лиц. Хотя такое правило не подлежит применению в случае опознания трупа. Здесь опять же законодатель не уточняет, какое максимальное количество статистов может быть предъявлено для опознания наряду с самим опознаваемым, что опять же даёт определённую свободу для усмотрения. Но в следственной практике обычно более трех индивидов для опознания не представляют, выбирая, соответственно, наиболее простой вариант из возможных.

Опознаваемый, согласно рассматриваемой норме, имеет право занять любое место в числе статистов по своему усмотрению, что представляется оправданным. При этом соответствующая пометка делается в протоколе рассматриваемого действия. Очевидно, что рекомендовать, запрещать, настаивать занять или не занимать определённое место среди статистов следователь не имеет права. Это должно исключать возможность каких-либо нарушений со стороны следственных органов.

Вообще предъявление схожих по внешности лиц именно «по возможности» заставляет задуматься о многом. Так, С.А. Роганов высказывает предположение о том, что фактически закон в случае невозможности предъявления максимально схожих по внешности лиц допускает предъявление в качестве статистов и таких индивидов, которые не имеют признаков сходства с опознаваемым гражданином, в связи с чем указанный автор предлагает исключить понятие «по возможности» из ч. 4 ст. 193 УПК РФ. Аргументируется такая позиция введением субъекта правоприменения в заблуждение [6, с. 355]. Такая идея достойна безусловной поддержки.

Ч. 5 ст. 193 УПК РФ позволяет предъявлять для опознания и фотографию опознаваемого, устанавливая при этом в целом те же требования, которые надлежит соблюдать в ходе процедуры предъявления живого лица. То есть обязательными требованиями являются количество фотографий не менее трех и внешнее сходство представленных на них лиц. Примечательно, что законодатель

каких-либо иных требований в этом случае не устанавливает, хотя, как мы полагаем, сходство должно касаться не только внешности предъявляемых по фотографиям лиц, но и характеристик самих фотографий – их качества, цветности, формата (размера).

Особо важным условием опознания, исходя из ч. 7 ст. 193 УПК РФ, является получение объяснений от опознающего относительно конкретных примет и особенностей, позволивших узнать соответствующего гражданина среди статистов. При этом закон в той же норме прямо запрещает задавать опознающему гражданину какие-либо наводящие вопросы. Поэтому очевидно, что факт формулирования вопросов наводящего характера должен расцениваться как нарушение процессуального порядка производства данного мероприятия, хотя вопрос о последствиях такого нарушения остаётся не вполне однозначным.

Думается, что решение указанного вопроса во многом может зависеть от того, изменил ли свои выводы опознающий после наводящего вопроса: если опознающий свои выводы относительно узнавания не изменил, то наводящие вопросы вполне могут быть расценены в качестве несущественного нарушения; однако, если это повлияло на его вывод (например, опознающий, изначально не узнавший в числе представленных лиц кого-либо знакомого индивида, после наводящего вопроса указал на кого-либо из них, либо, напротив, изначально не узнав ни кого, после наводящего вопроса он на кого-либо указал).

В ч. 8 ст. 193 УПК РФ законодателем не без оснований учтены возможные опасения опознающего за свою жизнь и здоровье, либо за жизнь и здоровье своей семьи, либо по иным причинам, в связи с чем допущено проведение опознания в условиях, когда визуальное наблюдение опознающего опознаваемым исключается. Причём опасения опознающего за свою безопасность нельзя считать безосновательными, они вполне оправданны, на что указывается и в литературе [5, с. 118]. В таком случае важно соблюсти условие об обеспечении нахождения понятых именно в месте, где находится сам опознающий.

Как и любое следственное действие, предъявление для опознания подытоживается оформлением соответствующего протокола, согласно ч. 9 ст. 193, 166 и 167 УПК РФ. Причём все значимые нюансы закон требует отражать в протоколе, в том числе и факт отсутствия визуального наблюдения опознающего.

Изложенное в целом отражает процессуальные требования к процедуре опознания и одновременно с этим свидетельствует о наличии определённых пробелов и спорных вопросов, коих немало. Такая проблематика становится особенно заметной при обращении к научной литературе, в которой отражена масса нюансов анализируемой процедуры.

Здесь, прежде всего, стоит отметить наличие алгоритма, в целом выработанного практикой и предполагающего определённую последовательность действий следователя [7, с 95]. Ее рассмотрение не представляется необходимым, но акцент на отдельных этапах сделать стоит. Так, немаловажную роль играет выбор места проведения данного мероприятия. В качестве него может использоваться кабинет следователя, помещение следственного изолятора и т.д., в зависимости от наличия возможностей и специфики конкретной ситуации. Но требования к помещению закон не устанавливает. Подготовка необходимых технических средств и ознакомление участников рассматриваемого мероприятия с их правами, обязанностями и порядком производства данной процедуры тоже является немаловажной частью. Нюансы этой части мероприятия тоже не вполне детально урегулированы.

Вообще многие аспекты, особая важность которых очевидна и сомнений не вызывает, в УПК РФ никак не затрагиваются. Например, не уточняется, сколько именно признаков достаточно для того, чтобы можно было зафиксировать факт опознания конкретного индивида среди статистов. Не говорится в законе и о том, каких именно аспектов внешности соответствующие признаки должны касаться. В этой связи в литературе подчёркивается, что соответствующих признаков должно быть как минимум два или три [7, с. 95],

хотя сложно представить, что по двум-трем признакам уместно опознание кого-либо. Более того, не вызывает сомнений и то, что одежда опознаваемого не должна выступать главным признаком, исходя из которого опознающий выбирает его среди статистов. В то же время такой признак не может не учитываться, если на него указывает сам опознающий.

Нельзя не упомянуть о ст. 189.1 УПК РФ, допускающей применение видео-конференц-связи (далее – ВКС), в том числе в рамках процедуры предъявления лица для опознания. Это весьма специфичный вариант, введённый лишь в конце 2021 г. и отличающийся некоторыми особенностями, заслуживающими отдельного рассмотрения, особенно в контексте обеспечения прав и законных интересов самого опознаваемого лица.

Законодатель должным образом не уточняет, в каких именно случаях такой вариант является более предпочтительным. Однако в литературе указывается, что производство конкретного следственного действия посредством ВКС есть вынужденная мера, использование которой даёт возможность избежать нарушения установленных сроков производства по уголовному делу [3, с. 200-233]. В этой связи очевидно, что ВКС применима при отсутствии возможности или затруднительности проведения такого мероприятия очно.

Было бы логично, если бы законодатель более детально регламентировал специфику предъявления для опознания применительно к такому варианту, но регламентация остаётся предельно краткой. Между тем, в литературе выделяется много нюансов, которые остаются крайне важными для обеспечения законности и эффективности данной процедуры. В частности, делается особый акцент на оборудовании рабочего места, а также на необходимости привлечения профильных ИТ-специалистов, которые имеют соответствующие полномочия для работы с сервисами ИСОД МВД [3, с. 334-335].

Очевидно, что в таком случае и алгоритм действий следователя, а также содействующих ему специалистов будет несколько иным, ориентированным прежде всего на обеспечение ВКС. И здесь особенно важно расположение веб-

камер именно в таком ракурсе, при котором обеспечивается максимальный угол охвата помещения, в том числе места расположения входных дверей: они должны быть видны на экране, как и место нахождения обоих следователей, один из которых выступает инициатором, а другой – исполнителем [3, с. 336].

В отдельных случаях производства рассматриваемого следственного действия отсутствуют специально оборудованные помещения. Но практика свидетельствует о том, что вполне пригодными вариантами исключения визуального контакта является использование автомобиля, стекла которого тонированы, либо двух смежных комнат, когда освещение присутствует лишь в одной; также ширмы, где имеются прорези, через которые опознающий может наблюдать предъявляемых лиц [4, с. 123].

Такие обстоятельства, описываемые в научной литературе, свидетельствуют о том, что в отечественных правоохранительных органах не всегда в полной мере сформированы условия для эффективного производства рассматриваемого действия, а поэтому вопрос совершенствования процедуры предъявления для опознания носит не только правовой (уголовно-процессуальный), но и технический, а также экономический характер, хотя последние нюансы в данной статье не рассматриваются.

Проблемой, о которой свидетельствует судебно-следственная практика, является изменение показаний, связанных с процедурой предъявления для опознания, и она имеет место быть, причём нередко. Более того, не всегда утверждение об узнавании того или иного субъекта формулируется опознающим в категорической форме. В отдельных случаях опознающий указывает лишь на наличие некоторых сходств. Причём суд не всегда признает отказ от ранее данных показаний [2].

Оставил законодатель без внимания и такой аспект, как опознание лица, изменившего внешность. Такой нюанс, безусловно, требует не только законодательного регулирования, но и разработки соответствующих

методических рекомендаций [8, с. 93]. В рамках же данного исследования этот аспект не затрагивается.

В целом необходимой мерой видится детализация порядка предъявления для опознания. Обосновывая важность детализации требований к рассматриваемому мероприятию и сведения к минимуму возможностей для усмотрения, нельзя сбрасывать со счетов потенциальную возможность недобросовестной организации процедуры предъявления для опознания, что в конечном итоге может привести к ложному обвинению лиц, которые фактически не причастны к преступлению, либо к признанию следственного действия или принятого на его основе судебного решения незаконным [9, с. 29].

Заключение

В вопросах правового регулирования предъявления лица для опознания очевидны пробелы, причём существенные. Полагаем, что законодатель оставил субъектам правоприменительной деятельности слишком много возможностей для усмотрения, что в определённых случаях может быть чревато и злоупотреблениями. По этой причине есть смысл предпринять некоторые меры, дополнив ст. 193 УПК РФ новыми нормами.

Во-первых, в ч. 2 ст. 193 предлагается уточнить, что предварительный допрос опознающего проводится непосредственно перед предъявлением ему лиц.

Во-вторых, в ч. 4 предлагается ограничить десятью максимально возможное количество лиц, предъявляемых для опознания. Также считаем необходимым поддержать идею об исключении понятия «по возможности» из данной части, что должно исключить случаи предъявления для опознания статистов, не имеющих внешних сходств с опознаваемым индивидом.

В-третьих, в ч. 5 следует уточнить требования к предъявляемым фотографиям относительно сходства не только по внешности представленных лиц, но и по формату (размеру), цветности и качеству.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (I ч.). Ст. 4921.
2. Определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 19.01.2023 по делу № 55-2/2023 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1300779053>
3. Корнев А.С., Пилякин М.И., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Организационно-тактические основы проведения опознания путем использования видеоконференцсвязи // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 8А. С. 331-340.
4. Лозовский Д.Н., Лозовская Н.Н., Санкин А.И. Особенности производства предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 12. С. 121-123.
5. Ляпин А.И., Гарипов Т.И. Предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым: проблемы производства, способы решения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13, № 3(49). С. 117-122.
6. Роганов С.А. Предъявление для опознания: вопросы совершенствования уголовно-процессуальной регламентации // Ленинградский юридический журнал. 2025. № 2 (80). С. 348–361.
7. Сибилькова А.В. Процессуальные вопросы предъявления для опознания // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1(95). С. 91-99.
8. Солодова Т.А. Криминалистическое установление лиц с изменённым внешним обликом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 183 с.
9. Эксархопуло А.А., Панькина И.Ю. Процессуальное и криминалистическое обеспечение достоверности результатов опознания // Вестник Балтийского

федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. С. 22-31.

References

1. Uголовно-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2001. № 52 (I ch.). St. 4921/
2. Opredelenie Pyatogo apellyacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 19.01.2023 po delu № 55-2/2023 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1300779053>
3. Kornev A.S., Pilyakin M.I., Novikov A.V., Slabkaya D.N. Organizacionno-takticheskie osnovy` provedeniya opoznaniya putem ispol`zovaniya videokonferenczsvyazi // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2022. Tom 12. № 8A. S. 331-340.
4. Lozovskij D.N., Lozovskaya N.N., Sankin A.I. Osobennosti proizvodstva pred`yavleniya dlya opoznaniya v usloviyax, isklyuchayushhix vizual`noe nablyudenie opoznayushhego // Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. 2018. № 12. S. 121-123.
5. Lyapin A.I., Garipov T.I. Pred`yavlenie licza dlya opoznaniya v usloviyax, isklyuchayushhix vizual`noe nablyudenie opoznayushhego opoznavaemy`m: problemy` proizvodstva, sposoby` resheniya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. T. 13, № 3(49). S. 117-122.
6. Roganov S.A. Pred`yavlenie dlya opoznaniya: voprosy` sovershenstvovaniya uголовно-processual`noj reglamentacii // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2025. № 2 (80). S. 348–361.
7. Sibil`kova A.V. Processual`ny`e voprosy` pred`yavleniya dlya opoznaniya // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 1(95). S. 91-99.
8. Solodova T.A. Kriminalisticheskoe ustanovlenie licz s izmenyonny`m vneshnim oblikom: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2021. 183 s.

9. E`ksarxopulo A.A., Pan`kina I.Yu. Processual`noe i kriminalisticheskoe obespechenie dostovernosti rezul`tatov opoznaniya // Vestnik Baltijskogo federal`nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarny`e i obshhestvenny`e nauki. 2023. №4. S. 22-31.

Научная статья

УДК 343.1

ПРЕВЫШЕНИЕ ПРЕДЕЛЬНОГО СРОКА СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ КАК ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Ярмоц Елена, к.ю.н., доц., Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Беларусь, yarmotse.len@gmail.com

Аннотация

Рассматривается одна из острейших проблем современного уголовного судопроизводства, связанная с превышением предельного срока содержания под стражей. Ключевые нормы имеются в ст. 109 УПК РФ, где установлен предельный срок, однако там же обеспечена и возможность его продления. Помимо того, продлевать предельный сроки позволяют некоторые другие статьи УПК РФ, на чем и сосредоточен автор. Перед Конституционным Судом РФ ни раз ставился вопрос о противоречии отдельных норм, позволяющих продлевать срок содержания под стражей, конституционным положениям, однако Суд не усмотрел каких-либо противоречий, в связи с чем многолетняя практика неоднократного продления срока содержания под стражей продолжает оставаться крайне распространённой, особенно при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений. Делается вывод о том, что предельный срок в УПК РФ формулируется крайне неоднозначно, любая ограничительная норма предполагает и варианты его продления по тем или иным основаниям. И если в стадии досудебного производства ограничения более конкретны, то применительно к стадии судебного производства какие-либо формальные пределы в части срока содержания под стражей вовсе отсутствуют. В литературе высказываются разные мнения относительно данной проблемы, чреватой нарушением прав человека, предлагаются различные пути преодоления проблемы, что тоже учитывается автором. По итогу излагаются авторские

рекомендации по совершенствованию норм УПК РФ в части регулирования предельного срока содержания под стражей.

Ключевые слова: права человека, проблемы уголовного судопроизводства, процессуальные сроки, следственные действия, срок содержания под стражей, УПК РФ

Статья поступила в редакцию 02.08.2025, одобрена после рецензирования 27.09.2025, принята к публикации 14.11.2025.

Original article

EXCEEDING THE MAXIMUM PERIOD OF DETENTION AS A PROBLEM IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

**Elena Yarmots, Candidate of Law, Associate Professor, Polotsk State University
named after Euphrosyne of Polotsk, Novopolotsk, Belarus**

Abstract

The article considers one of the most acute problems of modern criminal proceedings related to exceeding the maximum period of detention. 109 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which sets a deadline, but it also provides for the possibility of extending it. In addition, some other articles of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation allow extending the deadline, which is what the author focuses on. The Constitutional Court of the Russian Federation has never raised the issue of the contradiction of certain norms allowing to extend the period of detention with constitutional provisions, however, the Court did not find any contradictions, and therefore the long-standing practice of repeatedly extending the period of detention continues to be extremely widespread, especially in the investigation of serious and especially serious crimes. The conclusion is drawn that the deadline in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is formulated extremely ambiguously, any restrictive norm presupposes options for its extension on one basis or another. And

if the restrictions are more specific at the stage of pre-trial proceedings, then there are no formal limits on the length of detention at all in relation to the stage of judicial proceedings. The literature expresses different opinions about this problem, which is fraught with human rights violations, and suggests various ways to overcome the problem, which is also taken into account by the author. As a result, the author's recommendations for improving the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the regulation of the maximum period of detention are outlined.

Keywords: human rights, problems of criminal proceedings, procedural terms, investigative actions, term of detention, CPC of the Russian Federation

Введение

Несоблюдение процессуальных сроков, и, прежде всего, предельных сроков содержания под стражей, остаётся крайне острой проблемой российского уголовного судопроизводства. Причём обозначенную проблему можно считать одной из наиболее значимых, так как проблему эффективности правообеспечительной деятельности в уголовном судопроизводстве в отношении участников, содержащихся под стражей, которая во многом определяется именно соблюдением разумных сроков производства [5, с. 13].

Формальный характер установленных нормами УПК РФ [1] ограничений, также фактическое допущение неоднократного продления срока содержания под стражей отражают наличие как законодательных, так и правоприменительных проблем, которые в конечном итоге сводятся к соблюдению базовых прав и свобод человека и гражданина, среди которых выделяется и право на справедливое судебное разбирательство в разумный срок.

Основная часть

Итак, ключевой нормой, определяющей сроки содержания под стражей, является ст. 109 УПК РФ, с которой и следует начать рассмотрение проблемы. Согласно ч. 1 указанной статьи, предельный срок содержания под стражей при

расследовании преступления составляет 2 месяца. Именно таков и стандартный нормативный срок самого расследования. И если не говорить о различных случаях продления срока содержания под стражей, своя логика в привязке срока содержания под стражей к сроку расследования есть.

Законодатель, однако, учёл и возможность незавершения расследования в установленные законом стандартные сроки, в связи с чем в ч. 2 ст. 109 УПК РФ допустил продление судьёй соответствующего суда такого срока до 6 месяцев. Исключения из этого правила в настоящий момент особого интереса не представляют. Более важным является положение указанной части, исходя из которого дальнейшее продление срока допускается лишь для лиц, которые преследуются в уголовном порядке в связи с тяжкими либо особо тяжкими преступлениями, а также в некоторых иных случаях. И думается, что законодатель совершенно оправданно обуславливает возможности продления сроков именно фактором тяжести преступных деяний, инкриминируемых гражданину. Но в любом случае нельзя забывать о том, что законодательство декларирует и принцип презумпции невиновности, а потому любые допускаемые правоограничения должны иметь вполне жёсткие и максимально конкретные рамки, в том числе поддающиеся контролю.

Особое внимание здесь необходимо обратить на ч. 3 ст. 109 УПК РФ, которая позволяет содержать гражданина под стражей более 12 месяцев, однако декларирует такое дозволение как исключительный случай и лишь применительно к субъектам, преследуемым за особо тяжкие преступления. Соответствующее решение о продлении срока принимается исключительно судьёй соответствующего суда на основе ходатайства следователя, и лишь при согласии руководителя следственного органа. В таком случае предельный срок не должен превышать 18 месяцев.

Ч. 4 ст. 109 УПК РФ дальнейшее продление срока запрещает и предписывает немедленно освободить гражданина. Хотя и в этом случае имеют

место исключения, прежде всего, связанные с расследованием особо тяжких преступлений.

В определённых случаях предельный срок содержания под стражей может быть продлён и по иным основаниям, например, в связи с необходимостью предоставления обвиняемому возможности для ознакомления с материалами уголовного дела, о чем говорится в ч. 7 ст. 109 УПК РФ.

Вопросы, касающиеся продления срока содержания под стражей, разрешаются судом на основании ходатайства следователя, в результате чего принимается одно из следующих решений:

- о продлении срока содержания под стражей;
- об отказе в удовлетворении ходатайства и освобождении обвиняемого из под стражи.

Внимание стоит обратить на ч. 8.1 ст. 109 УПК РФ, которая применительно к отдельным случаям рассмотрения дела допускает продление соответствующего срока содержания под стражей для обеспечения принятия прокурором, а также судом решения по поступившему уголовному делу.

Также внимания заслуживает ч. 9 ст. 109 УПК РФ, которая предписывает засчитывать в срок содержания под стражей в период досудебного производства срок содержания под стражей во время предварительного расследования и срока содержания под стражей в период рассмотрения уголовного дела прокурором до принятия им одного из решений по поступившему делу.

Особое внимание необходимо уделить ч. 11 ст. 109 УПК РФ, которая позволяет по истечении предельного срока содержания под стражей, оговоренного в ч. 3 и 4 данной статьи, продлить ещё, но не более чем на 6 месяцев.

Нормы, регламентирующие вопросы содержания под стражей и продления его срока, имеются и в некоторых других статьях, в том числе в ст. 255 УПК РФ, регламентирующей вопросы применительно к случаю, когда дело уже находится на рассмотрении в суде. Согласно ей, по истечении 6 месяцев со дня нахождения

дела в суде, а гражданина – под стражей, допускается дальнейшее продление соответствующего срока в связи с рассмотрением дел о тяжком либо особо тяжком преступлении, причем без каких-либо конкретных ограничений, но, как говорится в данной норме, «каждый раз не более чем на 3 месяца».

Фактический смысл нормы свидетельствует о том, что конкретных ограничений, по сути, нет, и законодатель, очевидно, руководствуется именно разумным сроком судопроизводства, который тоже не вполне конкретен и не определяется законодательно.

Приведённый выше обзор уголовно-процессуальных положений относительно продления предельного срока заключения под стражу в целом свидетельствует о наличии весьма серьёзных проблем, выражающихся прежде всего в отсутствии реальных ограничений, которые бы исключили какие-либо злоупотребления со стороны следственных органов и судов.

В связи с изложенным стоит обратиться к позициям Конституционного Суда РФ (КС РФ), которые были отражены в ряде его актов именно по вопросам, касающимся продления срока содержания под стражей. Особый интерес здесь представляет, в частности, Постановление КС РФ от 22.03.2005 № 4-П [2], в котором была дана оценка положениям ч. 11 ст. 109 и ч. 3 ст. 255 УПК РФ. Данный акт КС РФ принял в связи с рассмотрением обращения граждан, полагающих, что упомянутые нормы не соответствуют Конституции РФ, поскольку позволяют именно многократно продлевать срок содержания под стражей, хотя и каждый раз не более чем на 3 месяца. Аргументируя свою позицию, один из обращающихся привёл в пример случаи, когда имеет место неоднократная отмена приговора в надзорном порядке и направление дела на новое рассмотрение. Свою позицию гражданин также обосновал конкретными ссылками на нормы УПК РФ. КС РФ, в свою очередь, оценив доводы обращающихся и проанализировав ч. 11 ст. 109 и ч. 3 ст. 255 УПК РФ, не усмотрел каких-либо противоречий конституционным нормам, к сожалению.

Определённый интерес представляет и позиция КС РФ, выраженная им в Постановлении от 16.07.2015 № 23-П [3], которое было посвящено конституционно-правовой оценке ч. 3–7 ст. 9 УПК РФ также относительно вопроса, связанного с возможностью продления срока содержания под стражей. В данном случае Суд указал, что при возвращении уголовного дела продление предельного срока тоже допустимо, если для того сохраняются основания и условия применения соответствующей меры. Причём внимание было акцентировано именно на необходимости соблюдения разумного срока, также учёта обстоятельств, которые препятствуют рассмотрению уголовного дела судом. Одновременно с этим КС РФ подчеркнул, что ст. 109 УПК РФ не исключает возможности применения средств компенсаторного характера взамен содержания под стражей.

На проблемы в области правового регулирования продления сроков в рамках уголовного процесса внимание обратил и Пленум Верховного Суда РФ именно применительно к случаю судебного разбирательства. Интересно, что речь шла именно о тех, кто совершил тяжкие или особо тяжкие преступления, но Пленум допустил избрание в отношении них в том числе более мягкой меры [4]. Данное допущение, с одной стороны, понять можно, поскольку бесконечное продление сроков содержания под стражей является крайне негативной характеристикой правосудия и по возможности минимизируется. С другой стороны, когда речь идёт о тяжких или особо тяжких преступлениях, освобождение из-под стражи является крайне рискованным решением.

Между тем, проблемы заключения под стражу и продления сроков содержания под стражей не ограничиваются рассмотренными аспектами. Определённые трудности представляет решение вопроса, касающегося применения тех или иных оснований для заключения под стражу. В подобного рода случаях зачастую имеют место весьма серьёзные злоупотребления и формализм. Более того, нередко для обоснования ходатайства о продлении срока

используются стереотипные формулировки, которые к конкретному случаю не относятся [5, с. 14].

Центральной проблемой остаётся вопрос отсутствия сроков, которые можно было бы контролировать. Для этого необходимы не только понятные ограничения, но и единообразная практика их применения [7, с. 93].

Отдельные исследователи акцентирует внимание на недостатках работы следственных органов, которые подходят к решению вопроса чрезмерно формально, и суды в целом это принимают. Например, И.А. Чулков пишет, что не принято в ходатайствах о продлении сроков содержания под стражей указывать конкретные следственные действия и прочие процессуальные мероприятия, которые необходимо провести. Также распространённой является практика, когда в ходатайствах неоднократно указывается на необходимость проведения одних и тех же следственных действий [8, с. 298]. Такой практике способствует ч 4 ст 108 УПК РФ, которая не обязывает следователя участвовать в рассмотрении вопроса о продлении срока содержания под стражей. В этих условиях уточнить отдельные нюансы, которые касаются обоснования ходатайства, сторона защиты не может, как и суд, рассматривающий его.

Достаточно популярной является и практика передачи дела в производство другому следователю накануне рассмотрения соответствующего ходатайства. В таких случаях следователь, получивший дело, по существу не может ничего объяснить относительно причин, по которым следственные действия своевременно не были проведены. По этим и многим другим причинам суд объективно не может оценить необходимость, целесообразность, обоснованность, законность продления срока содержания под стражей [8, с. 298].

Имеют место и другие проблемы, однако все их в данной статье обозначить не представляется возможным. Однако в целом очевидным является грубый формализм судов в рассмотрении вопросов, касающихся продления срока заключения под стражу [8, с. 298-299].

Конечно, стоит согласиться с теми авторами, которые расценивают установленные уголовно-процессуальным законодательством сроки содержания под стражей как характеризующиеся значительной продолжительностью и не отвечающие международно-правовым стандартам [6, с. 37].

Заключение

УПК РФ, устанавливая предельный срок нахождения под стражей, позволяет фактически неограниченно длительно содержать граждан в условиях лишения свободы, продлевая срок применения указанной меры по различным основаниям, в том числе в случаях возвращения дела для производства дополнительного расследования, в случае неоднократного пересмотра дела и возвращения его в суд нижестоящей инстанции, если имеет место обвинение в тяжком или особо тяжком преступлении. Подход же к рассмотрению ходатайств о продлении указанного срока отличается грубым формализмом. Более того, во многих случаях следователь, ходатайствующий о продлении срока содержания под стражей, даже не присутствует при рассмотрении соответствующего вопроса судом. С учётом этого предлагается внести некоторые изменения в УПК РФ:

Во-первых, в рамках ч. 4 ст. 108 УПК РФ необходимо обязать следователя, ходатайствующего о продлении содержания под стражей, участвовать в рассмотрении судом соответствующего вопроса.

Во-вторых, крайне важным представляется введение конкретного ограничения возможности продлевать срок содержания под стражей после поступления дела в суд. Учитывая, что ч. 3 ст. 255 УПК РФ позволяет по истечении 6 месяцев нахождения дела в суде продлевать содержание под стражей на 3 месяца неограниченное количество раз, предлагается предусмотреть возможность продлевать срок до 3 месяца не более двух раз.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (I ч.). Ст. 4921.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 23-П // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8379/>
5. Владимирова Ю.К. Обеспечение уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2018. 227 с.
6. Лыкова Д.А. Основания и процессуальный порядок продления срока содержания под стражей // Гуманитарный научный журнал. 2024. № 4-4. С. 31-38.
7. Саюшкина Е.В., Калюжина В.М. Продление предельного срока содержания под стражей при возвращении уголовного дела прокурору // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2023. № 1(55). С. 87-93.
8. Чулков И.А. Проблемы реализации судебного контроля при продлении срока содержания под стражей на стадии предварительного расследования // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 7А. С. 296-303.

References

1. Ugolovno-processual'ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 52 (I ch.). St. 4921.

2. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 22.03.2005 № 4-P // SPS «Konsul`tantPlyus».
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.07.2015 № 23-P // SPS «Konslu`tantPlyus».
4. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 19.12.2013 № 41 (red. ot 27.05.2025) // Oficial`ny`j sajt Verxovnogo Suda RF. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8379/>
5. Vladimirova Yu.K. Obespechenie ugolovno-processual`ny`x prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva, sodержashhixsya pod strazhej ili otby`vayushhix nakazanie v vide lisheniya svobody`: dis. ... kand. jurid. nauk. Voronezh, 2018. 227 s.
6. Ly`kova D.A. Osnovaniya i processual`ny`j poryadok prodleniya sroka sodержaniya pod strazhej // Gumanitarny`j nauchny`j zhurnal. 2024. № 4-4. S. 31-38.
7. Sayushkina E.V., Kalyuzhina V.M. Prodlenie predel`nogo sroka sodержaniya pod strazhej pri vozvrashhenii ugolovnogo dela prokuroru // Trudy` Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii. 2023. № 1(55). S. 87-93.
8. Chulkov I.A. Problemy` realizacii sudebnogo kontrolya pri prodlenii sroka sodержaniya pod strazhej na stadii predvaritel`nogo rassledovaniya // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. Tom 13. № 7A. S. 296-303.

5.1.5. Международно-правовые науки

Научная статья

УДК 341, 378

О ПРОБЛЕМЕ ПРИЗНАНИЯ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМОВ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ЗА РУБЕЖОМ

**Шопен Жюльен, Ph.D., постдокторант, Лозаннский университет, Лозанна,
Швейцария, julienchoplaus@mail.ru**

Аннотация

В статье рассматривается проблема признания российских дипломов об образовании за рубежом. Дается характеристика данной проблемы в целом и обращается внимание на наличие более чем 80 двусторонних и многосторонних соглашений, исходя из которых российские документы об образовании признаются за рубежом, а зарубежные – в России. Среди наиболее передовых стран, с которыми России удалось заключить соответствующие соглашения, выделяются Китай, Турция, Италия, Франция, Венгрия. Однако о реальном признании говорить не приходится. Даже в годы пребывания России в рамках Болонской системы, такого признания добиться не удалось в целом, чего нельзя сказать о дипломах отдельных ведущих вузов страны. Среди ключевых причин выделяется недостаточно высокий уровень высшего образования в среднем по стране, высокий уровень коррумпированности, имевшая место ранее практика распространения поддельных дипломов об образовании. Во многом эти уже устранены, однако на престиже российского образования факт их преодоления существенно не отразился. Оценивая опыт нахождения в рамках Болонской системы, автор отмечает отсутствие реальных результатов в плане обеспечения признания российских дипломов. При этом делается вывод о фактическом неравенстве участников Болонской системы. В качестве другой причины, препятствующей признанию российских дипломов за рубежом, отмечается наличие принципиальных различий между правовыми системами. Указывается

на необходимость ориентирования уровня всей системы высшего образования на уровень ведущих российских вузов.

Ключевые слова: Болонская система, высшее образование, диплом об образовании, признание диплома за рубежом, система образования

Статья поступила в редакцию 14.05.2025, одобрена после рецензирования 12.07.2025, принята к публикации 14.11.2025.

Original article

ON THE PROBLEM OF RECOGNITION OF RUSSIAN DIPLOMAS OF EDUCATION ABROAD

Julien Chopin, Ph.D., Postdoctoral Fellow, University of Lausanne, Lausanne, Switzerland

Abstract

The article discusses the problem of recognition of Russian diplomas of education abroad. The article describes this problem as a whole and draws attention to the existence of more than 80 bilateral and multilateral agreements, based on which Russian educational documents are recognized abroad, and foreign ones in Russia. Among the most advanced countries with which Russia has managed to conclude relevant agreements are China, Turkey, Italy, France, and Hungary. However, there is no need to talk about real recognition. Even during the years of Russia's stay within the framework of the Bologna system, such recognition could not be achieved in general, which cannot be said about the diplomas of individual leading universities in the country. Among the key reasons, there is an insufficiently high level of higher education on average in the country, a high level of corruption, and the previous practice of distributing fake educational diplomas. In many ways, these problems have already been eliminated, but the fact of overcoming them has not significantly affected the prestige of Russian education. Assessing the experience of being within the

framework of the Bologna system, the author notes the lack of real results in terms of ensuring the recognition of Russian diplomas. At the same time, a conclusion is drawn about the actual inequality of the participants in the Bologna system. Another reason preventing the recognition of Russian diplomas abroad is the existence of fundamental differences between legal systems. It is pointed out that it is necessary to orient the level of the entire higher education system to the level of leading Russian universities.

Keywords: Bologna system, higher education, diploma of education, recognition of diploma abroad, education system

Введение

В эпоху глобализации становится чрезвычайно важным направлением развития унификация законодательства во многих сферах, в том числе в сфере образования. Среди ее результатов выделяется развитие практики признания дипломов об образовании, выданных за рубежом. Если данную проблематику рассматривать в контексте российской правовой системы и системы образования, то она будет связана с вопросами признания российских дипломов за рубежом.

На протяжении последних двух десятилетий Россия стремилась внедрять так называемую Болонскую систему, обеспечив, в том числе, и возможность признания отечественных дипломов, прежде всего, о высшем образовании, за рубежом, главным образом, в странах Европы. В современных реалиях, характеризующихся обострением противостояния на международной арене, задача обеспечения международного признания российских дипломов отчасти утратила былую актуальность. Однако, это временное явление, как нам представляется. Повышение престижности отечественного высшего образования остается актуальной задачей, а это значит, что проблематика обеспечения признания российских дипломов об образовании за рубежом должна развиваться.

Основная часть

Если говорить о проблеме признания российских дипломов за рубежом, то всегда стоит помнить, что этот вопрос во многом является результатом развития двусторонних отношений с каждым из зарубежных государств. И в этой связи стоит сказать, что Российской Федерацией заключено большое число соответствующих международных соглашений, в рамках которых решено обеспечить двустороннее (взаимное) признание соответствующих документов образования, в том числе дипломов о высшем образовании.

На момент проведения данного исследования перечень международных документов о взаимном признании документов об образовании включает более 80 соглашений. Среди них особо можно выделить соглашения, заключенные с:

- Китаем;
- Турцией;
- Италией;
- Францией;
- Венгрией [2].

Подавляющая доля соглашений приходится на страны Африки и Латинской Америки. Что же касается наиболее передовых, сильных в экономическом, научно-техническом и правовом плане стран, то именно с ними число соглашений относительно мало [2].

Помимо того, имеются и многосторонние международные договоры с участием России в рамках:

- ООН (ее специализированных учреждений);
- СНГ;
- ЕАЭС [1].

До недавнего времени имели место и соглашения в рамках Совета Европы, однако в настоящее время всякое юридическое значение они утратили.

Безусловно, некоторая переориентация Российского государства и системы образования в том числе, на внутренний рынок, может считаться вполне

обоснованной и отвечающей современным реалиям, современным потребностям Российского государства. Тем не менее, отрицать некоторый регресс в рассматриваемой сфере было бы ошибочным, особенно если учесть роль международных связей в сфере образования. Такие связи играют решающую роль для решения многих внутренних проблем, касающихся как образования, так и науки, и научно-технического прогресса. С учётом этого, и современная система подготовки кадров нуждается в некотором обновлении, создании более благоприятных условий для интеллектуального раскрытия потенциала будущих специалистов [4, с. 256–257]. То есть интернационализация образования принципиально важна, а это означает и принципиальную важность расширения практики признания зарубежных дипломов в России и российских дипломов - за рубежом.

В свою очередь, проблема признания российских дипломов за рубежом является во многом проблемой двустороннего признания дипломов, а также проблемой недостаточного развития тенденций интернационализации образования. Иными словами, в целом образование ориентировано именно на внутренний рынок, особенно образование высшее. И учитывая, что оно в целом позволяет удовлетворить запросы этого рынка, каких-либо существенных стимулов для пересмотра ситуации не видится.

Нельзя не учесть определённые факторы и особенности, которые не способствуют решению проблематики, связанной с расширением круга стран, признающих российские дипломы об образовании.

Во-первых, академическая мобильность, так или иначе, обходится государству недёшево [4, с. 256–257]. А отсюда можно усмотреть и невысокую заинтересованность в том, чтобы её развивать, особенно в таких условиях, как нынешняя ситуация.

Результаты интернационализации образования важны лишь относительно небольшой части абитуриентов, студентов, молодых специалистов [4, с. 256–257]. Думается, что это одна из тех причин, по которой тенденции

интернационализации не получают необходимого развития и зачастую игнорируются государством.

Нельзя не обратить внимание и на наличие весьма существенных различий, которые присутствуют в программах подготовки, действующих в разных государствах [4, с. 256–257].

Все это, в конечном итоге, существенно снижает эффективность, которая может быть достигнута в результате сотрудничества по поводу признания документов об образовании и его интернационализации.

Те решения, которые принимались относительно внедрения в России европейского подхода к образованию, основанного на Болонской системе, были продиктованы не столько стремлением обеспечить интернационализацию образования, сколько в целом повысить его качество на национальном, причём именно с ориентацией на демократические европейские ценности. В настоящее же время происходит их переоценка, а за ориентир все чаще берутся именно ценности отечественные, российские, советские. Европейские ценности уходят на второй план или же вовсе отрицаются по очевидным причинам.

Учитывая изложенное, можно констатировать, что те усилия, которые предпринимались Российским государством в рамках решения проблемы признания российских дипломов за рубежом, сейчас в значительной степени остались нивелированы. Использование же достигнутых результатов во многом остаётся либо невозможным, либо нецелесообразным.

Впрочем, если бы Россия оставалась в рамках Болонской системы, сложно представить, удалось ли бы обеспечить полноценное признание российских дипломов в европейском правовом пространстве. Ведь за многие годы принципиального прогресса в части признания российского образования так достичь не удалось.

Заметим, что Российским государством были предприняты огромные усилия не только по повышению качества отечественного образования, но и по стимулированию его экспорта за рубеж, в том числе путём обеспечения

сопоставимости и взаимного признания дипломов и квалификаций [5, с. 173]. Это можно оценить положительно.

Но статус России в качестве экспортёра образовательных услуг в европейском пространстве высшего образования де-юре практически не изменился за годы её пребывания в рамках Болонской системы, хотя некоторое повышение престижа все-таки имело место. Но в литературе высказываются сомнения по поводу того, что именно вхождение в Болонскую систему способствовало этому [5, с. 293].

Учитывая прошлый опыт нахождения в рамках Совета Европы и Болонской системы, Россия может извлечь определённый опыт. Так, присоединение к России Болонской системе не повлекло автоматического признания дипломов российских вузов на территории других стран [3]. Таким образом, формальное присоединение к той или иной международной организации, продвигающей те или иные ценности, в том числе и в части образования, внешне кажущиеся выгодными, не означает, что все её члены будут равны в плане гарантий соблюдения прав, обеспечения возможностей и выгод. Думается, что фактического равенства в рамках Болонской системы не было, несмотря на декларировавшиеся де-юре идеи. И это одна из тех причин, по которой России не удалось обеспечить международное признание выдаваемых ей дипломов.

В качестве причины, по которой Россия не стала полноценным членом Болонской системы, можно считать и недостаточно высокий уровень развития образования здесь, тем более, что и в научной литературе отмечалось множество весьма существенных недостатков российской системы образования. В подтверждение изложенного стоит сказать, что ряд российских вузов вполне успешно вписался в Болонскую систему. И в литературе даже отмечалось, что дипломы об образовании, выдаваемые такими учреждениями как Российская академия музыки им. Гнесиных, МГУ, МГИМО, МАИ, МИФИ, РУДН, ВШЭ, МФТИ, СПбГУ не требовали подтверждения в зарубежных странах, что их

принципиально отличало от дипломов, которые выдавались большинством других вузов [6, с. 113]. В этом усматривается вполне прагматичный подход, ведь перечисленные учебные заведения вполне можно причислить к элите российского высшего образования.

В то же время в литературе многие годы критиковались весьма существенные недостатки, которые были в целом присущи российской системе образования, а именно высокий уровень коррумпированности, распространённость практики использования поддельных документов образований [6, с. 113]. Данные проблемы уже давно преодолены в большей мере, в частности, созданы реестры документов об образовании, пересмотрены сами программы подготовки. Однако данные изменения, которые в целом можно оценить положительно, не повлекли каких-то существенных улучшений в плане репутации российской системы образования и повышения престижа российских дипломов.

Но было бы ошибкой утверждать, что образование в европейском пространстве имеет кардинальные преимущества. Европейской системе образования тоже свойственно множество недостатков, в том числе существенный дисбаланс в сторону базовых общетеоретических дисциплин, отсутствие гибкости и пр. Все это создаёт затруднения в развитии критического мышления и формировании многих профессионально значимых качеств [8, с. 65].

В своё время в литературе отмечалось, что для полноценного вхождения России в Болонскую систему было необходимо окончательно адаптировать российское образование программы к Болонской системе, а также обеспечить ревалоризации действующей шкалы оценок для соответствия выставляемых оценок реальному уровню знания и результатам [7]. Данные задачи тоже не в полной мере были выполнены.

Сказать, что так, в числе причин, которые не позволяют обеспечить признание отечественных дипломов за рубежом, можно отметить и

принципиальные различия между правовыми системами. Особенно это становится очевидно, если рассматривать проблематику признания российских дипломов в США, где они в принципе не ценятся [6, с. 112].

Заключение

Проблема признания российских дипломов об образовании за рубежом – это вопрос повышения престижа российской системы образования, особенно образования высшего. И надо отдать должное российскому руководству, которое на протяжении последних двух десятилетий предпринимало все возможные меры по усилению позиции России в этой сфере, а основной акцент делался именно на признании российских дипломов в странах Европы, в рамках Болонской системы. Несмотря на многолетнее пребывание в рамках данной системы и существенные изменения в сфере высшего образования, реального признания российских дипломов добиться не удалось. Но от пребывания в данной системе Россия могла бы извлечь определённые выгоды.

Сам факт непризнания дипломов большинства российских вузов и признание дипломов отдельных учреждений, которые принято относить к элите, дает повод задуматься о том, в каком направлении следует развиваться образование. Полагаем, что в целом уровень высшего образования следует постепенно и целенаправленно поднимать до уровня наиболее престижных заведений, стремясь сформировать такие условия, при которых различия между ведущими и периферийными вузами будут минимальными.

Список литературы

1. Перечень многосторонних и двусторонних международных договоров Российской Федерации по вопросам признания дипломов об образовании и ученых степеней (по состоянию на 1 ноября 2023 года) // Портал Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/33250/ (дата обращения: 04.04.2025).
2. Международные договоры о взаимном признании документов об

образовании // Национальный информационный центр по вопросам признания образования и (или) квалификации, ученых степеней и званий, полученных в иностранном государстве: официальный портал. URL: <https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/confirmation> (дата обращения: 04.04.2025).

3. Агранович М. Минобрнауки: Отказ от Болонского процесса не отразится на признании дипломов РФ // Портал Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2022/06/27/minobrnauki-otkaz-ot-bolonskogo-processa-ne-otrazitsia-na-priznanii-diplomov-rf.html>(дата обращения: 04.04.2025).

4. Бувечич А.П. Совершенствование механизма интернационализации в сфере образования для повышения эффективности современной системы подготовки кадров в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 7-2. С. 255–259.

5. Погорельская А.М. Экспорт услуг странами - участницами Европейского пространства высшего образования: уроки для России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2024. Т. 40, № 2. С. 273–299.

6. Соловьев Д.Н. Проблемы признания отечественных дипломов выпускников вузов за рубежом // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2014. № 2(23). С. 110–114.

7. Ткач Г.Ф., Чисхохвалов В.Н. Введение единого приложения к диплому в целях признания квалификаций российских вузов за рубежом // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2006. № 102. С. 164–167.

8. Шинкарев А.И. Проблемы современного юридического образования в России и мире // Всероссийский научный журнал «Вопросы права». 2023. № 3. С. 63–67.

References

1. Perechen` mnogostoronnix i dvustoronnix mezhdunarodny`x dogovorov Rossijskoj Federacii po voprosam priznaniya diplomov ob obrazovanii i ucheny`x

stepenej (po sostoyaniyu na 1 noyabrya 2023 goda) // Portal Verxovnogo Suda RF.
URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/33250/ (data obrashheniya: 04.04.2025).

2. Mezhdunarodny`e dogovory` o vzaimnom priznanii dokumentov ob obrazovanii // Nacional`ny`j informacionny`j centr po voprosam po voprosam priznaniya obrazovaniya i (ili) kvalifikacii, ucheny`x stepenej i zvanij, poluchenny`x v inostrannom gosudarstve: oficial`ny`j portal. URL: <https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/confirmation> (data obrashheniya: 04.04.2025).

3. Agranovich M. Minobrnauki: Otkaz ot Bolonskogo processa ne otrazitsya na priznanii diplomov RF // Portal Rossijskoj gazety`. URL: <https://rg.ru/2022/06/27/minobrnauki-otkaz-ot-bolonskogo-processa-ne-otrazitsia-na-priznanii-diplomov-rf.html>(data obrashheniya: 04.04.2025).

4. Buevich A.P. Sovershenstvovanie mexanizma internacionalizacii v sfere obrazovaniya dlya povы`sheniya e`ffektivnosti sovremennoj sistemy` podgotovki kadrov v Rossii // Vestnik Altajskoj akademii e`konomiki i prava. 2024. № 7-2. S. 255–259.

5. Pogorel`skaya A.M. E`ksport uslug stranami - uchastniczami Evropejskogo prostranstva vy`sshego obrazovaniya: uroki dlya Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. E`konomika. 2024. T. 40, № 2. S. 273–299.

6. Solov`ev D.N. Problemy` priznaniya otechestvenny`x diplomov vy`pusknikov vuzov za rubezhom // Vestnik Sankt-Peterburgskoj juridicheskoy akademii. 2014. № 2(23). S. 110–114.

7. Tkach G.F., Chisxoxvalov V.N. Vvedenie edinogo prilozheniya k diplomu v celyax priznaniya kvalifikacij rossijskix vuzov za rubezhom // Nauchny`j vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta grazhdanskoj aviacii. 2006. № 102. S. 164–167.

8. Shinkarev A.I. Problemy` sovremennogo juridicheskogo obrazovaniya v Rossii i mire // Vserossijskij nauchny`j zhurnal «Voprosy` prava». 2023. № 3. S. 63–67.

Научная статья

УДК 341

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ЧАСТНЫХ ИНВЕСТОРОВ

Фраделла Генри, к.ю.н., профессор криминологии и уголовного правосудия, Университет штата Аризона, Финикс, Аризона, США, henfradella.crj@mail.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка оценить современное состояние международно-правовых гарантий защиты интересов частных инвесторов. При этом обращается внимание не только на международно- правовое, но и на национальное законодательное регулирование сферы частных инвестиций. Обосновывается особая роль решения усиления правовых гарантий для частных инвесторов не только в интересах национальных, но и в интересах всего мирового сообщества. Дается обзор некоторых правовых основ, которые должны обеспечивать реальные гарантии для частных инвесторов. Отмечается наличие множества недостатков, в том числе фрагментарность, масса пробелов, декларативный характер, ограниченная доступность практических механизмов судебной защиты и пр. Признается чрезвычайная сложность практической реализации обеспеченные международным правом защитных мер, хотя положительно оценивается не так давно созданный механизм УСИГ, позволяющий частным инвесторам вступать в споры против государства. С учетом малого количества рассмотренных в рамках УСИГ дел делается вывод о фактической недоступности данного механизма для подавляющего большинства частных инвесторов. Высоко оцениваются перспективы дальнейшего развития указанного инструмента, в том числе и в сторону расширения его доступности.

Ключевые слова: инвестиционное право, международное право, международные инвестиции, права человека, УСИГ, частный инвестор

Статья поступила в редакцию 19.07.2025, одобрена после рецензирования 10.10.2025, принята к публикации 14.11.2025.

Original article

THE CURRENT STATE OF INTERNATIONAL LEGAL GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF THE INTERESTS OF PRIVATE INVESTORS

Henry Fradella, Candidate of Law, Professor of Criminology and Criminal Justice, Arizona State University, Phoenix, Arizona, USA

Abstract

The article attempts to assess the current state of international legal guarantees for the protection of the interests of private investors. At the same time, attention is drawn not only to the international legal, but also to the national legislative regulation of the sphere of private investment. The special role of strengthening legal guarantees for private investors is substantiated, not only in the interests of national interests, but also in the interests of the entire global community. An overview is given of some of the legal frameworks that should provide real guarantees for private investors. There are many shortcomings, including fragmentation, a lot of gaps, declarative nature, limited availability of practical judicial protection mechanisms, etc. The extreme complexity of the practical implementation of protective measures provided for by international law is recognized, although the recently created USIG mechanism, which allows private investors to enter into disputes against the state, is positively assessed. Taking into account the small number of cases reviewed within the framework of the USIG, it is concluded that this mechanism is actually inaccessible to the vast majority of private investors. The prospects for further development of this tool, including in the direction of expanding its accessibility, are highly appreciated.

Keywords: investment law, international law, international investments, human rights, USIG, private investor

Введение

Сфера инвестиций в последние годы развивается достаточно динамично, причём благодаря именно быстрому прогрессу цифровых технологий и инструментов, позволяющих совершать частным лицам финансовые операции, не сталкивались с какими-либо затруднениями технического характера. Однако правовой аспект общественных отношений, связанных с инвестиционной деятельностью, продолжает оставаться весьма проблемным. Это справедливо как для национального законодательства, так и для международного права. И если на национальном уровне вопросы обеспечения правовых гарантий защиты интересов инвесторов решаются все более эффективно, то о международном праве такого сказать нельзя. Его состояние в рассматриваемой области регулирования оставляет желать лучшего. По этой причине особую важность приобретает оценка актуального состояния международно-правовых гарантий защиты интересов частных инвесторов и поиск путей устранения проблем в этой области.

Основная часть

Уместно признать, что вопросы защиты интересов частных инвесторов имеют глобальное значение. В обосновании этого стоит сказать, что, например, в стремлении развить новые направления деятельности, например, арктическое, государство заинтересовано, в том числе, в привлечении частных инвесторов [3]. Очевидно, что речь в этом случае идёт не только о российских частных инвесторах, но и о зарубежных, хотя на сегодняшний день условия для этого не вполне благоприятные, учитывая сложившуюся геополитическую обстановку и во многом дискриминационную политику отдельных государств и международных организаций в отношении России и в отношении дружественных ей стран.

Между тем нельзя, и большинство других стран, как нам представляется, имеют аналогичные интересы, связанные с привлечением частных инвесторов к финансированию тех или иных значимых проектов. Очевидно, что и для них

представляет интерес привлечения зарубежных инвесторов. В этом состоит глобальное значение рассматриваемой темы и вопросов, которые касаются формирования действенных международно-правовых механизмов защиты прав частных инвесторов.

В условиях эффективных международно-правовых гарантий обоснованно можно было бы ожидать, что права всех или, по крайней мере, подавляющей части частных инвесторов будут защищены именно международным правом. Однако пока утверждать это не представляется возможным. Тем не менее, Россия, как и большинство стран, полагается на нормы международного права, о чем говорится в ст. 15 Конституции РФ [1].

Говоря о международно-правовых гарантиях, нельзя не подчеркнуть, что в целом вопросы инвестиций регламентируются:

- на уровне национального законодательства (внутри каждой страны, вне зависимости от того, имеет ли место международно-правовой аспект);

- на международном уровне:

- а) в рамках двусторонних соглашений,

- б) в рамках многосторонних соглашений.

Если более детально характеризовать эти основы, то в качестве источников закрепления международно-правовых гарантий можно отметить:

- международные универсальные многосторонние и региональные договоры;

- двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений (ДСПВЗК);

- договоры о торговле и мореплавании, которые, в свою очередь, образуют систему соответствия международных обязательств государств, принимающих иностранные инвестиции, международным стандартам гарантий с целью обеспечения правовых гарантий для иностранного инвестора [9, с. 65].

Соответственно, именно источники закрепления норм о международных (иностраных) инвестициях могут рассматриваться в качестве гарантий. С

другой стороны, гарантии могут рассматриваться и как своего рода обязательства, которые принимает на себя государство относительно защиты иностранных инвестиций. Такого рода обязательства закрепляются в тех же договорах, о которых говорилось выше [9, с. 64].

В этой связи роль международного права в создании гарантий защиты прав зарубежных инвесторов нельзя абсолютизировать. Справедливо отмечается, «что международные гарантии прав иностранных инвесторов напрямую связаны с инвестиционными правовыми гарантиями, содержащимися в национальном законодательстве государств, принимающих иностранные инвестиции» [9, с. 42]. Таким образом, эффективность самих международно-правовых гарантий, которые изначально призваны обеспечить защиту интересов частных инвесторов, существенно зависит от национального законодательства каждой конкретной страны.

Д.В. Юлов в своей диссертационной работе [9] в контексте обеспечения защиты интересов иностранных инвесторов, рассматривая международно-правовые гарантии для иностранных частных инвесторов, обращается прежде всего к основополагающим международным документам о правах человека, в частности, к Всеобщей декларации прав человека, указывая при этом на необходимое обеспечение равенства всех индивидов в вопросах защиты права собственности. При этом он указывает на производный характер права на защиту частных инвестиций и тесную связь данного права с основными правами и свободами человека и гражданина. С этим невозможно не согласиться, ведь возможность инвестировать является одним из вариантов реализации базовых прав и свобод человека и гражданина, по крайней мере, экономических (социально-экономических). Одновременно производный характер рассматриваемых прав обуславливает и недостаточное внимание им: первичные (основные) права рассматриваются как более значимые.

Говорить о том, что международно-правовые гарантии прав инвесторов сформировались прочные и единые, не приходится. Глядя на ту же диссертацию,

становится очевидным, что и де-юре, и де-факто принципиально разделяются вопросы обеспечения прав иностранных инвесторов и отечественных инвесторов, хотя делается это не так явно. А это априори свидетельствует о некотором неравенстве, а значит, и создаёт предпосылки для определённой дискриминации.

Однако, международное право, обеспечивающее гарантии защиты прав инвесторов, в том числе частных инвесторов, как и другие области международного права, опирается на международное сотрудничество, связанное с предоставлением взаимных правовых гарантий. Такое сотрудничество основывается в том числе и на универсальных международных договорах, которые, в свою очередь, формируют некоторую автономную область гражданского права. Поэтому условно можно выделять как национальные нормы, обеспечивающие защиту прав иностранных инвесторов, базирующиеся на международном праве, так и непосредственно нормы международного права. И те, и другие представляются тесно взаимосвязанными, несмотря на наличие относительной автономности, особенно с учётом того, что, осуществляя внутреннее регулирование, государство стремится обеспечить определённый уровень правовых гарантий, ориентируясь в том числе и на международные нормы [9, с. 46].

Но первичное значение имеет при этом внутреннее, национальное законодательство. Именно оно определяет, какие инвестиции являются допустимыми, какие процедуры должны быть выполнены при получении разрешения на инвестирование, на какой основе должны осуществляться инвестиции и какие обязательства, установленные принимающим государством, должны выполнять инвесторы [8, с. 167]. В решении указанных вопросов не последнюю роль играет фактор национальных (государственных) интересов.

Любые гарантии были бы бессмысленными, если бы механизмы их правовой реализации (использования) отсутствовали. Поэтому в вопросе обеспечения гарантий такие механизмы занимают не последнее место. В этой

связи стоит сказать, что уже с середины XX в. стала формироваться система УСИГ, в рамках которой споры между частными инвесторами и государствами рассматриваются и обеспечиваются защит, что особенно важно в условиях неравного положения человека и государства, особенно в международно-правовой сфере [6, с. 5].

Можно было бы сравнить механизм УСИГ с апелляционным органом ВТО, но такое сравнение было бы не вполне корректным, ведь в рамках ВТО рассматриваются именно межгосударственные споры, а инвестиционные трибуналы УСИГ предназначены для разрешения споров, возникающих именно между государством и частными лицами. Более того, в рамках УСИГ к рассмотрению споров в целом сформирован на базе арбитражной модели, а потому сама деятельность таких трибуналов выведена из-под контроля государства и деполитизировано [7, с. 41], насколько это возможно.

Можно было бы считать, что это идеальный инструмент, позволяющий разрешать споры между частными инвесторами и государства, однако некоторые обстоятельства не позволяют прийти к таким выводам. Данные о результатах разбирательств, которые имели место в УСИГ в 2022 г., свидетельствуют о рассмотрении не менее 890 споров, что в целом соответствует уровню предыдущих лет. При этом по 37% дел решения были вынесены в пользу государства, 28% – пользу инвестора (с присуждением денежной компенсации), а 19% дел были урегулированы, 14% дел были прекращены, в 2% разбирательств арбитраж установил нарушение договора, но не присудил денежной компенсации [5, с. 20].

К сожалению, в рамках проведения исследования не удалось найти информацию о суммах, которые оспаривались в рамках УСИГ. Также не удалось найти и более актуальные данные о количестве споров и процентном соотношении разных категорий дел. Однако такие данные были изучены за 2016 г. Примечательно, что средняя сумма иска по УСИГ составляла 1,4 млрд долл. США, а медианная сумма – 10 млн долл. США. Средняя величина

компенсации по итогам разбирательства составляла 545 млн долл. США, а медианная – 20 млн долл. США [4].

Представленные данные свидетельствуют о том, что для подавляющего большинства частных инвесторов указанный инструмент остаётся недоступным. По крайней мере, его нельзя сопоставить с той доступностью, которая обеспечивалась, например, в рамках Европейского суда по правам человека в (ЕСПЧ). Несмотря на то, что Россия вышла из-под юрисдикции ЕСПЧ, а сама политика ЕСПЧ в значительной степени противоречила интересам Российской Федерации, подход к разрешению споров между гражданами и государствами был в нём организован на вполне приемлемом уровне. Во всяком случае, возможности защиты в нём в свое время обеспечивались пусть не для большинства, но для многих, чего нельзя сказать о тех возможностях, которые предоставляются в рамках УСИГ.

Реалии современного международного права, как и реалии международных правоотношений, характеризуются относительно невысоким уровнем защищённости интересов инвесторов и в целом, так и относительно отдельных аспектов. В этих условиях и интересы частных инвесторов, как правило, не обладающих особым статусом и должностным положением, не играющих какой-либо политической роли на международной арене, но использующих свои инвестиционные возможности, не могут быть в полной мере защищены.

Сама проблема международно-правовых гарантий защиты частных инвесторов существует как в рамках национального правового режима, когда субъект за пределы юрисдикции, в которой он проживает, не выходит, так и в международно-правовом режиме. Международное право создаёт слабые гарантии как для защиты инвестиций внутри страны, так и для защиты инвестиций за рубежом.

Заключение

Учитывая весьма динамичное развитие практики инвестирования, перед международным сообществом должна быть поставлена новая задача: формирование надёжных механизмов обеспечения защиты прав частных инвесторов, причем независимо от их гражданской принадлежности. Думается, что это вопрос должен решаться именно в аспекте прав человека, а не только гражданина

Видится необходимой мерой разработка единого (универсального) документа, аналогичного, например, Всеобщей декларации прав человека, но именно в контексте прав и свобод частных инвесторов. Такой документ должен стать единым ориентиром, стандартом для всех стран

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Официальный портал ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
3. Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (ред. от 27.02.2023) «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Возможная работа по реформированию системы урегулирования споров между инвесторами и государствами (УСИГ) (Комиссия ООН по праву международной торговли. Рабочая группа III (Реформирование системы урегулирования споров между инвесторами и государствами). 34 сессия (г. Вена, 27 ноября – 1 декабря 2017 г.) // Официальный портал ООН. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/v17/067/50/pdf/v1706750.pdf>

5. Доклад о мировых инвестициях. 2023 год. Инвестиции в устойчивую энергетику для всех. Обзор // Цифровая библиотека МГИМО в сфере ЦУР. URL: https://esg-library.mgimo.ru/upload/iblock/7e2/11vt2i5q1dsxofldrzcucqkjhdvc7e6j/wir2023_overview_ru.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
6. Бокучава А.Г. Международное инвестиционное право и реформирование системы рассмотрения споров между частными инвесторами и государствами // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2022. № 5. С. 5–11.
7. Лифшиц И.М., Шаталова А.В. Обновление системы урегулирования споров между инвесторами и государствами: реформа или революция? // Московский журнал международного права. 2023. № 1. С. 29–46.
8. Шилл Ш.В. Право защиты инвестиций как элемент международного права развития // Дайджест Публичного Права Института Макса Планка. 2013. № 2.
9. Юлов Д.В. Правовые механизмы реализации гарантий прав и законных интересов иностранных инвесторов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 218 с.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General`noj Assambleej OON 10.12.1948) // Oficial`ny`j portal OON. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
3. Ukaz Prezidenta RF ot 26.10.2020 № 645 (red. ot 27.02.2023) «O Strategii razvitiya Arkticheskoy zony` Rossijskoj Federacii i obespecheniya nacional`noj bezopasnosti na period do 2035 goda» // SPS «Konsul`tantPlyus».

4. Vozmozhnaya rabota po reformirovaniyu sistemy` uregulirovaniya sporov mezhdu investorami i gosudarstvami (USIG) (Komissiya OON po pravu mezhdunarodnoj trgovli. Rabochaya gruppa III (Reformirovanie sistemy` uregulirovaniya sporov mezhdu investorami i gosudarstvami). 34 sessiya (g. Vena, 27 noyabrya – 1 dekabrya 2017 g.) // Oficial`ny`j portal OON. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/v17/067/50/pdf/v1706750.pdf>
5. Doklad o mirovy`x investiciyax. 2023 god. Investicii v ustojchivuyu e`nergetiku dlya vsekh. Obzor // Cifrovaya biblioteka MGIMO v sfere CzUR. URL: https://esg-library.mgimo.ru/upload/iblock/7e2/11vt2i5q1dsxofldrzcucqkjhdvc7e6j/wir2023_overview_ru.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
6. Bokuchava A.G. Mezhdunarodnoe investicionnoe pravo i reformirovanie sistemy` rassmotreniya sporov mezhdu chastny`mi investorami i gosudarstvami // E`lektronnoe setevoe izdanie «Mezhdunarodny`j pravovoj kur`er». 2022. № 5. S. 5–11.
7. Lifshicz I.M., Shatalova A.V. Obnovlenie sistemy` uregulirovaniya sporov mezhdu investorami i gosudarstvami: reforma ili revolyuciya? // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2023. № 1. S. 29–46.
8. Shill Sh.V. Pravo zashhity` investicii kak e`lement mezhdunarodnogo prava razvitiya // Dajdzhest Publichnogo Prava Instituta Maksa Planka. 2013. № 2.
9. Yulov D.V. Pravovy`e mexanizmy` realizacii garantij prav i zakonny`x interesov inostranny`x investorov: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2021. 218 s.

Научная статья

УДК 341

УЧЕТ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

**Тейлор Майкл П., Ph.D., Мемориальный университет Ньюфаундленда,
Сент-Джонс, Канада, mtpaynfld@outlook.com**

Аннотация

В статье сосредоточено внимание на изучении проблематики учёта общепризнанных принципов и норм международного права в практике Верховного Суда РФ. Указанные принципы и нормы, являясь элементом российской правовой системы, занимают и определённое место и в рамках обоснования тех или иных судебных решений, в связи с чем представляют исследовательский интерес. Статус указанных принципов и норм в целом определяется Конституцией РФ, положения которой рассматриваются в первую очередь. Основное внимание акцентируется на конкретных постановлениях, определениях и обзорах практики Верховного Суда РФ. В ходе анализа отмечаются некоторые особенности учёта данным органом правосудия общепринятых принципов и норм международного права, в том числе относительно редкие ссылки на международные источники права, общий характер упоминаний о них, и в целом делается вывод о второстепенной роли такого рода источников в практике Верховного Суда РФ. Вместе с тем, автор признает, что международные источники играют не последнюю роль в решении многих вопросов, в том числе ввиду наличия специально принятых судебных актов, разъясняющих порядок применения международных источников права. В завершении формулируются предложения по совершенствованию практического применения общепризнанных принципов и норм международного права.

Ключевые слова: Верховный Суд РФ, международное право, общепризнанные принципы и нормы, национальное право, судебная практика

Статья поступила в редакцию 25.05.2025, одобрена после рецензирования 24.07.2025, принята к публикации 14.11.2025.

Original article

CONSIDERATION OF GENERALLY ACCEPTED PRINCIPLES AND NORMS OF INTERNATIONAL LAW IN THE PRACTICE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Micheal P. Taylor, Ph.D., Memorial University of Newfoundland, St. John's,
Canada**

Abstract

The article focuses on the study of the issues of taking into account generally accepted principles and norms of international law in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation. These principles and norms, being an element of the Russian legal system, occupy a certain place in the framework of the justification of certain court decisions, and therefore are of research interest. The status of these principles and norms is generally determined by the Constitution of the Russian Federation, the provisions of which are considered first. The main focus is on specific rulings, definitions, and reviews of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation. In the course of the analysis, some features of the consideration by this body of justice of generally accepted principles and norms of international law are noted, including relatively rare references to international sources of law, the general nature of references to them, and, in general, a conclusion is drawn about the secondary role of such sources in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation. At the same time, the author recognizes that international sources play an important role in solving many issues, including due to the existence of specially adopted judicial acts clarifying the procedure for applying international sources of law. Finally, proposals are formulated to improve the practical application of generally accepted principles and norms of international law.

Keywords: the Supreme Court of the Russian Federation, international law, generally accepted principles and norms, national law, judicial practice

Введение

Учитывая конституционно закреплённый статус общепризнанных принципов и норм международного права, можно без сомнений их рассматривать как важную основу судебных решений, в том числе принимаемых Верховным Судом РФ как высшим органом правосудия. Однако особый статус рассматриваемых норм определяет и некоторую специфику их практического применения. Исходя из этого, актуализируется вопрос учёта общепризнанных принципов и норм международного права в практике Верховного Суда РФ, который определяет ориентиры и для других судов.

Понимание специфики учёта указанных источников права представляется крайне важным не только с точки зрения совершенствования правоприменительной практики и доктринальных основ использования международного права в национальной системе правосудия, но и с точки зрения совершенствования норм отечественного законодательства, ориентирующегося на международное право.

Основная часть

В рамках изучения особенностей учёта общепризнанных принципов и норм в практике Верховного Суда РФ нельзя не обратить внимание на соответствующие конституционные положения, закреплённые прежде всего в ст. 15, 17, 63, 69 Конституции Российской Федерации [1] (далее - Конституция РФ).

Такой подход законодателя, как бы он ни оценивался с точки зрения науки, отражает особую роль международного права в российской правовой системе. И примечательно, что о превалировании иных источников международного права, отличных от международного договора, над законом, не говорится. Это отражает не вполне однозначный юридический статус международных принципов и норм, которые международным договором не закреплены.

Ряд других конституционных положений непосредственно ориентирован на международное право. Так, ч. 1 ст. 17 Конституции РФ провозглашает признание и гарантии прав свобод человека и гражданина «согласно общепризнанным принципам и нормам международного права», причём именно в соответствии с настоящей Конституцией. Такой подход, с одной стороны, даёт возможность ссылаться непосредственно на общепризнанные принципы и нормы международного права, с другой стороны, эта потребность нивелируется, ведь предполагается, что общепризнанные принципы и нормы международного права изначально учтены в конституционных положениях.

Об общепринятых принципах и нормах международного права упоминается в ч. 1 ст. 63 Конституции РФ в контексте возможности предоставить политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства. В этой связи ссылка именно на международные принципы и нормы крайне важна, поскольку применение такой меры, так или иначе, создает предпосылки для конфликтной ситуации с другим государством, преследующим субъекта, которому убежище предоставлено.

В ч. 1 ст. 69 Конституции РФ об общепризнанных принципах и нормах международного права упоминается в контексте обеспечения гарантий прав коренных малочисленных народов, проживающих на территории России.

Учитывая изложенное, можно полагать, что учёту общепризнанных принципов и норм международного права в рамках судебной практики должно уделяться немало внимания, по крайней мере применительно к разрешению проблем, связанных с упомянутыми выше нормами. Также очевидно, что и решение любых вопросов, связанных с правами и свободами человека и гражданина, тоже предполагает непосредственную ориентацию на принципы и нормы международного права.

Между тем, многое в части применения международного права в российской судебной практике зависит именно от судов высшей инстанции, в том числе от Верховного Суда РФ. И в литературе справедливо отмечается, что

ключевые решения и постановления, в которых данный суд определяет место международных норм в системе отечественного права, во многом определяют и всю последующую судебную практику. Причём в актах Верховного Суда принято уделять особое внимание вопросам соотношения международных обязательств России и норм внутреннего права, а также механизмам, которые обеспечивают гармонизацию этих правовых систем [10].

При этом в рамках определения соотношения международного и отечественного права в последние годы сформирована вполне понятная тенденция, отражающая превалирование именно внутреннего российского права над международным [9, с. 21].

Это вполне объяснимо, особенно учитывая непростую геополитическую ситуацию. Тем не менее, не приходится говорить о том, что принципы и нормы международного права игнорируются. Они продолжают оставаться важнейшей составляющей российской правовой системы, подтверждением чего являются конкретные акты Верховного Суда.

Прежде всего, внимание обратить стоит на те акты, в которых разъясняются проблемные вопросы судебной практики. Среди них отметим Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [2], где, в частности, уточнено, что общепризнанные принципы международного права следует понимать как «основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо».

Примечательно, что о конкретных источниках закрепления таких принципов в указанном случае не говорится, вместе с тем уточняется, что к ним, в частности, относятся «принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств».

Помимо того, в указанном Постановлении говорится о возможности раскрытия общепризнанных принципов и норм международного права, в частности, в документах ООН и документах её специализированных учреждений. То есть понимание общепризнанных принципов и норм международного права остаётся весьма размытым, в отличие от норм международных договоров, которые являются более конкретными.

Говоря о специфике рассматриваемых источников права, нельзя не признать, что они, будучи принятыми и подписанными от имени Российской Федерации, не подлежат изменению именно в рамках российского законодательства, что кардинально отличает их от норм национального законодательства. Это означает, что рассматриваемые принципы и нормы приходится применять именно в том виде, в каком они зафиксированы на международном уровне.

Более того, применяться общепризнанные принципы и нормы международного права должны именно в том виде, в каком они истолковываются соответствующими международными организациями, в том числе ООН и её специализированными учреждениями. В этом плане тоже имеют место определённые ограничения свободы правоприменителя.

Кроме того, в литературе отмечается и невозможность предпринять в рамках национального правового поля какие-либо меры, которые бы позволили ограничить общепризнанные принципы и нормы международного права [11, с. 132]. В этом проявляется определённая императивность соответствующих принципов и норм, что тоже не может не накладывать отпечаток на практику их применения в рамках национальной системы правосудия.

Очевидно, что выделенные выше особенности порождают некоторые затруднения, которые становятся особенно очевидными в ходе разрешения конкретных споров, прежде всего в рамках международного частного права. В этой связи Пленумом Верховного Суда РФ в 2019 г. был дан ряд разъяснений в

Постановлении «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» [3]. Примечательно, что в целом об общепризнанных принципах и нормах в указанном Постановлении упоминается лишь дважды: во-первых, Пленумом подчёркнуто, что в решении вопросов, осложнённых иностранным элементом, суды применяют, в том числе, общепризнанные принципы и нормы международного права; во-вторых, подчёркивается, что суд при определении более тесной связи должен принимать во внимание, применение права какой страны позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права. Более об общепризнанных принципах и нормах международного права не упоминается. Это даёт основание для вывода о том, что в рамках публичного права общепризнанные принципы и нормы международного права являются более значимыми, нежели в рамках частного права.

Весьма интересными представляются обзоры судебной практики, отражающие специфику применения рассматриваемых источников права. Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025) [8], представленном на 102 листах, не содержится ни одного упоминания общепризнанных принципов и норм международного права. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2021) [5], объем которого составляет 112 листов, таких упоминаний тоже не встречается.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2024) [7], однако, имеется ряд ссылок на некоторые основополагающие международные документы, содержащие общепризнанные принципы и нормы международного права, а именно на Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенцию о правах ребенка и Декларацию прав ребенка.

Так, обосновывая отмену приговора, а также прочих судебных актов, оставивших его в силе, Верховный Суд сослался на конкретную норму указанного Пакта. При этом суды нижестоящих инстанций по данному делу на

указанный Пакт не ссылались, и общепризнанная норма международного права стала основанием для отмены ранее вынесенного приговора.

Конвенция о правах ребёнка в рамках одного из дел тоже была применена именно при пересмотре дела в Верховном Суде, в судах же нижестоящих инстанций в данном случае на нее не ссылались.

В случае применения Декларации прав ребёнка тоже имела место ссылка на конкретные положения, а именно на принцип 6. Однако изначально указанный общепризнанный принцип применил суд апелляционной инстанции, а Верховный Суд в рамках пересмотра дела счел применение указанного принципа неверным, сославшись на исключительные обстоятельства.

Представленные случаи отражают использование общепринятых принципов и норм международного права для конкретного обоснования той или иной судебной позиции. Между тем в подавляющем большинстве актов Верховного Суда, где отражаются результаты рассмотрения конкретных дел с учетом международного права, имеет место простое формальное упоминание общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров без указания на конкретные нормы, как, например, в Определении Верховного Суда РФ от 23.11.2023 по делу № А40-192966/2021 [6]. В подобных случаях становится очевидно, что международные принципы имеют лишь формальное значение.

Стоит, однако, отметить, что при рассмотрении уголовных дел общепризнанные принципы и нормы международного права, зачастую, имеют гораздо большее значение, чем при рассмотрении иных дел, поскольку суды, решая вопросы ограничения или лишения граждан тех или иных важнейших прав, особенно в рамках обжалования, как правило ссылаются именно на базовые акты международного права о правах человека [4]. В этой связи определяющую роль приобретают позиции Верховного Суда, отражающие тот или иной правоприменительный подход.

Заключение

Общепризнанные принципы и нормы международного права в практике Верховного Суда РФ учитываются, о чем свидетельствуют его многие акты. И более значимыми такие принципы и нормы оказываются при рассмотрении уголовных дел, особенно в рамках судебного обжалования. В ходе же разбирательств по иным делам такие принципы и нормы не столь важны, исходя из анализа судебной практики. Причём в одних случаях Верховный Суд даёт оценку правильности применения нижестоящими судами общепризнанных принципов и норм международного права, в других же применяет их по делу впервые. В любом случае ссылки на общепризнанные принципы и нормы придают значимость позиции суда, делают её более убедительной.

Между тем в подавляющем большинстве случаев учёт общепризнанных принципов и норм носит лишь формальный характер, что выражается в простом указании на нарушение или соблюдение «общепризнанных принципов и норм международного права», без упоминания конкретной нормы или принципа. Считаю, что от подобной практики целесообразно отказаться и говоря о нарушении или соблюдении общепризнанных принципов и норм международного права, следует указывать конкретные положения. По этой причине Верховному Суду РФ следует дать конкретные разъяснения нижестоящим судам в постановлении Пленума.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.12.2021) // Официальный портал Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/30586/> (дата обращения: 20.04.2025).
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2022) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/30810/> (дата обращения: 20.04.2025).
6. Определение Верховного Суда РФ от 23.11.2023 по делу № А40-192966/2021 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304153443> (дата обращения: 20.04.2025).
7. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/33619/> (дата обращения: 20.04.2025).
8. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/34367/> (дата обращения: 20.04.2025).
9. Аничкин Е.С., Васильев А.А., Усвят Н.Д. Интернационализация отечественного права в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 2. С. 19-31.
10. Филатов В.В., Филатова Ю.А., Филатов Н.В. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросу применения

международного права // Международный научный вестник. 2025. № 3. С. 147-152.

11. Шаталов А. С. Применение судами общепризнанных принципов, норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2022. № 2 (17). С. 131–143.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 10.10.2003 № 5 (red. ot 05.03.2013) «O primeneniі sudami obshhej yurisdikcii obshhepriznanny`x principov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodny`x dogovorov Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul`tantPlyus».
3. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 09.07.2019 № 24 «O primeneniі norm mezhdunarodnogo chastnogo prava sudami Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul`tantPlyus».
4. Obzor praktiki primeneniya sudami obshhepriznanny`x principov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodny`x dogovorov Rossijskoj Federacii pri rassmotrenii ugolovny`x del (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 08.12.2021) // Oficial`ny`j portal Verxovnogo Suda RF. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/all/30586/> (data obrashheniya: 20.04.2025).
5. Obzor sudebnoj praktiki Verxovnogo Suda RF № 4 (2021) (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 16.02.2022) // Oficial`ny`j sayt Verxovnogo Suda RF. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/30810/> (data obrashheniya: 20.04.2025).
6. Opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 23.11.2023 po delu № A40-192966/2021 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304153443> (data obrashheniya: 20.04.2025).

7. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/33619/> (дата обращения: 20.04.2025).
8. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/34367/> (дата обращения: 20.04.2025).
9. Anichkin E.S., Vasil'ev A.A., Usvyat N.D. Internacionalizaciya otechestvennogo prava v kontekste pravovy`x pozicij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii i Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii // Pravoprimenenie. 2022. T. 6, № 2. S. 19-31.
10. Filatov V.V., Filatova Yu.A., Filatov N.V. Pravovy`e pozicii Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii po voprosu primeneniya mezhdunarodnogo prava // Mezhdunarodny`j nauchny`j vestnik. 2025. № 3. S. 147-152.
11. Shatalov A. S. Primenenie sudami obshhepriznanny`x principov, norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodny`x dogovorov Rossijskoj Federacii pri rassmotrenii ugolovny`x del // Ius publicum et privatum: setevoy nauchno-prakticheskij zhurnal chastnogo i publicnogo prava. 2022. № 2 (17). S. 131–143.

Научная статья

УДК 341

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА ИСКАТЬ УБЕЖИЩА ОТ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ДРУГИХ СТРАНАХ: НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

**Рохов Диего, Ph.D., Калифорнийский университет, Ирвайн, Калифорния,
США, rochovdcal89@outlook.com**

Аннотация

Право человека искать убежище от преследования в других странах гарантируется и на международном, и на национальном уровне. Это далеко не самое востребованное право, однако его особая роль не ставится под сомнение, в том числе ввиду наличия соответствующих гарантий в Всеобщей декларации прав человека и Конституции РФ. Содержательно данное право включает достаточно широкий спектр правомочий, несмотря на его предельно краткое закрепление в основополагающих нормах Конституции. Важной особенностью рассматриваемого права является неразрывная связь с противоречиями, которые возникают между интересами конкретной преследуемой личности и преследующим государством, а также между преследующим государством и государством, предоставляющим политическое убежище. Данное право содержит в себе как положительный, так и негативный аспекты, анализируемые в настоящей статье, в том числе с учётом судебной практики. Автор приходит к выводу о том, что рассматриваемое право в целом является результатом компромисса, а обеспечение его гарантий на международном уровне чрезвычайно важно для создания дополнительных возможностей реализации фундаментальных прав и свобод человека и гражданина применительно к особым случаям.

Ключевые слова: политическое убежище, права человека и гражданина, право искать убежище, преследование по политическим мотивам, статус беженца

Статья поступила в редакцию 13.06.2025, одобрена после рецензирования 14.08.2025, принята к публикации 14.11.2025.

Original article

THE HUMAN RIGHT TO SEEK ASYLUM FROM PERSECUTION IN OTHER COUNTRIES: NATIONAL AND INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS

Diego Rochow, Ph.D., University of California, Irvine, California, USA

Abstract

The human right to seek refuge from persecution in other countries is guaranteed both internationally and nationally. This is far from the most sought-after right, but its special role is not questioned, including due to the existence of relevant guarantees in the Universal Declaration of Human Rights and the Constitution of the Russian Federation. Meaningfully, this right includes a fairly wide range of powers, despite its extremely brief consolidation in the fundamental norms of the Constitution. An important feature of the law under consideration is its inextricable link with the contradictions that arise between the interests of a particular persecuted person and the persecuting State, as well as between the persecuting State and the State providing political asylum. This right contains both positive and negative aspects, which are analyzed in this article, including taking into account judicial practice. The author concludes that the law in question is generally the result of a compromise, and ensuring its guarantees at the international level is extremely important for creating additional opportunities for the realization of fundamental human and civil rights and freedoms in relation to special cases.

Keywords: political asylum, human and civil rights, the right to seek asylum, persecution for political reasons, refugee status

Введение

Право на получение политического убежища является особо значимым не только ввиду факта его закрепления в Конституции РФ [1] и основополагающих международных документах, но и исходя из необходимости обеспечения дополнительных инструментов защиты прав и свобод человека и гражданина. И данный инструмент обеспечивает реальность международно-правовых гарантий соответствующих прав вне зависимости от национального законодательства. Причём относительно редкая востребованность такого права не может рассматриваться как обстоятельство, которое нивелирует его значимость. Проблемность же вопросов, касающихся данного права, во многом обусловлена тем, что его реализация так или иначе является предпосылкой для возникновения конфликтной ситуации между государством, преследующим личность и государством, предоставившим ей политическое убежище.

Основная часть

В первую очередь стоит коснуться ключевых положений Конституции РФ, гарантирующих признание и возможность реализации рассматриваемого права на территории России. Соответствующие положения сосредоточены в ст. 63, согласно ч. 1 которой, Россия предоставляет политическое убежище как иностранным гражданам, так и лицам без гражданства, основываясь при этом на общепризнанных нормах международного права.

Также ч. 2 ст. 63 установлен запрет выдачи иным государствам лиц, которые преследуются за политические убеждения либо действия или бездействие, не квалифицируемые в России в качестве преступлений. При этом потенциально допускается выдача лиц, которые обвиняются в совершении преступления или уже осуждены, для отбывания наказания в другом государстве, если соответствующие нормы присутствуют в федеральном законе либо оговорены международным договором.

Примечательно, что в данной статье никоим образом не упоминается о лицах, которые получают политическое убежище в других государствах. И в

этой связи стоит сказать, что аналогичного содержания нормы присутствуют и в праве других государств, предоставляющих убежище, в том числе и лицам, которые скрываются от уголовного преследования со стороны российских правоохранительных органов. В этом смысле сам инструмент политического убежища определённо может быть рассмотрен в качестве некоторой предпосылки для возникновения конфликтных ситуаций между государствами. Однако данный нюанс не столь принципиален, ведь политическое убежище используют не только сами граждане, но и государства, реализуя собственные политико-правовые и иные цели.

В рамках российского законодательства рассматриваемое право конкретизируется в Федеральном законе «О беженцах» [6]. Причём указанным законом предусматривается именно временное убежище, которое в ст. 1 трактуется как возможность иностранного гражданина и лица без гражданства временно пребывать в России на основании российского законодательства.

Интересно, что в этом случае не содержится упоминаний о том, что гражданин пребывает в России, в том числе, на основании норм международного права. Более того, не говорится в законе и о политическом убежище. Хотя оно прямо упоминается в Конституции РФ. Однако это не меняет самой сути рассматриваемого явления, ведь временное убежище вполне может трактоваться и в качестве политического, с учётом конкретных обстоятельств, в связи с которыми гражданин получил такое убежище.

В международном праве вопросам политического убежища уделяется особое внимание, поскольку это одна из важнейших гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

Нормы об указанном праве содержит, в частности, Всеобщая декларация прав человека [2], которая в ст. 14 закрепляет право каждого человека искать убежище от преследования в других странах, а также пользоваться данным убежищем. Причём не допускается использование такого права в ситуациях преследования в связи с совершением неполитического преступления либо

преступления, которое противоречит целям и принципам ООН. В данном случае речь идёт о том, чтобы защитить субъектов исключительно от преследования по политическим мотивам. Что же касается преследования по мотивам неполитического характера, то оно, как следует из рассмотренной выше нормы, в контекст политического убежища не попадает. Тем не менее, вряд ли можно исключить правомерность убежища, которое как де-факто, так и де-юре политическим не является. Но эти нюансы не столь важны. Ключевым является сам факт международного признания права человека на поиск убежища в любой стране.

Отдельные основополагающие документы, которые должны бы содержать нормы об указанном праве, их не содержат. Например, в Международном пакте о гражданских политических правах [4] об убежище не упоминается.

Нельзя не обратить внимание на документы, которые специально были приняты именно для правовой регламентации рассматриваемого права. Среди них Декларация о территориальном убежище [5]. Однако она носит всего лишь рекомендательный характер [11, с. 45]. Тем не менее, формальная рекомендательность ни коим образом не нивелирует указанный документ. Данная Декларация, как и Всеобщая декларация, имеет особое значение, поскольку является не только ориентиром, но и определённым средством обоснования государственной политики в части регламентации вопросов политического убежища и практической реализации права на него.

Интересно, что указанная Декларация имеет вполне конкретную политическую направленность, что в ст. 1 становится вполне очевидно, где отражена правовая поддержка лиц, борющихся против колониализма. Хотя надо признать, что в настоящее время проблема колониализма не столь остра, как, например, во второй половине XX века, когда указанная Декларация была принята.

В ст. 1 указанной Декларации отрицается возможность использования рассматриваемого права человеком, в отношении которого существуют

серьёзные основания полагать, что он совершил преступление против мира, человечества или военное преступление. Подчеркнем, что здесь говорится именно об основаниях полагать, а не о юридически установленном факте причастности к преступлению. То есть само подозрение, оформленное де-юре, уже лишает субъекта права пользоваться политическим убежищем. Но вопрос оценки оснований для предоставления политического убежища, согласно рассматриваемой Декларации, остаётся за государством, которое предоставляет убежище. То есть убежище хотя и гарантируется на международном уровне, сам вопрос о его предоставлении рассматривается именно в рамках национального законодательства, причём того государства, которое для преследуемого лица, по сути, чуждо.

Рассматриваемая Декларация подчёркивает особую роль сохранения суверенитета соответствующих государств, которые убежища предоставляют. Поэтому реализация права на получение политического убежища не должна влечь соответствующих угроз суверенитету принимающей страны.

Ст. 3 рассматриваемой Декларации не позволяет отказать в разрешении на переход границы лицу, если оно уже вступило на территорию, где ищет убежище; причём как высылка, так и принудительное возвращение такого лица в страну, где оно может подвергнуться преследованию, тоже запрещена. Однако в современном мире положения данной статьи не соблюдаются, в том числе и ввиду их рекомендательного характера, а потому в целом практика возвращения лиц в государство, которое они покинули, остаётся чрезвычайно развитой. Во многом решение такого вопроса опосредуется политическими мотивами и взаимоотношениями между соответствующими государствами, в частности государством, которое преследует гражданина, и государством, которое решает вопрос о предоставлении политического убежища.

Особо следует обратить внимание на ст. 4 рассматриваемой Декларации, исходя из которой предоставившее политическое убежище государство не

должно позволять лицам, получившим такое убежище, осуществлять деятельность, противоречащую целям и принципам ООН.

В числе базовых документов выделяется Конвенция о статусе беженцев [3], где подчёркивается особая роль международного сотрудничества, поскольку признается, что обеспечить право на убежище именно в глобальном масштабе возможно только путём развития международного сотрудничества.

Во многом идеи, которые отражены в данной Конвенции, прослеживаются и в иных международных документах, в том числе в рассмотренных выше декларациях. В ней, в частности, уточняется круг категорий лиц, которые не могут рассчитывать на получение политического убежища.

Положения данной Конвенции особо важны в связи с тем, что практически все стороны регламентируют вопросы, которые прямо или косвенно связаны со статусом получившего убежище лица. В главе 2 данного документа отражены, в частности, вопросы личного статуса, имущественного положения, защиты авторских прав, права на обращение в суд, на занятие деятельностью, приносящей доход, социальной поддержки и административного содействия.

Обозначенные выше нормативные положения актуализируют не только вопросы предоставления политического убежища, но и вопросы регламентации статуса лиц, которые такое убежище получили. В этой связи совершенно справедливо пишет О.О. Семёнова об особом состоянии лиц, которые получили политическое убежище. Их ситуация во многом носит экстренный характер и обусловлена преследованием либо угрозой преследования в стране происхождения [11, с. 11]. Отсюда и особая роль отдельных норм международного права, в том числе исключающих возможность возвращения преследуемого лица в государство, которое оно покинуло.

Однако как законодательство России, так и международные нормы содержат оговорки о том, что право на убежище не может быть реализовано в ряде случаев, когда соответствующее преследование носит в полной мере обоснованный характер. Но вопрос того, насколько такое преследование

обоснованно, в значительной мере остаётся субъективным и решается исключительно по усмотрению конкретного государства, к которому субъект обратился.

Совершенно обоснованно отмечается наличие некоторого противоречия в правовом регулировании вопросов, касающихся предоставления политического убежища в России. С одной стороны, гражданин, покинувший своё государство по определённым мотивам, имеет право, закреплённое на международном уровне, искать убежище в другой стране; с другой стороны, само государство вправе решать вопрос о предоставлении или отказе в предоставлении политического убежища. И в Российской Федерации данный вопрос решается именно в индивидуальном порядке, исходя из государственных интересов. В связи с этим высказывается идея о необходимости закрепления права на получение политического убежища в России [11, с. 13]. Такая идея заслуживает внимания законодателя.

Но изложенное не должно создавать иллюзию того, что реализация права на получение политического убежища всегда есть положительное явление, особенно когда речь заходит об интересах Российского государства. В судебной практике известно немало случаев, когда гражданин, подлежащий привлечению к уголовной ответственности, причём за тяжкие или особо тяжкие преступления, скрывается на территории иностранного государства, получив там именно политическое убежище [7].

Идею закрепления права на получение политического убежища в рамках российского законодательства вряд ли уместно полноценно реализовать, особенно с учётом не вполне успешного европейского опыта, свидетельствующего о наличии существенной проблемы роста численности лиц, которые так или иначе получают убежище. Лояльная политика государства в части предоставления политического убежища способна спровоцировать неконтролируемый поток миграции [9, с. 101; 10, с. 224]. Думается, что данный

аспект принципиально важно учитывать именно при рассмотрении вопросов, касающихся регулирования оснований для политического убежища.

Если абстрагироваться от проблематики обеспечения права на получение политического убежища в рамках национального законодательства, то уместно обратить внимание на наличие отдельных проблем, отражающих чрезвычайную сложность реализации рассматриваемого права по ряду причин.

Во-первых, для реализации рассматриваемого права субъект должен прежде всего покинуть государство, в котором находится, что кардинально осложняется, например нахождением в розыске, ограничениями на перемещение по стране и т.д.

Во-вторых, далеко не каждое государство готово принять решение о предоставлении политического убежища. Более того, вопрос о политическом убежище может рассматриваться на протяжении длительного времени, причём нет гарантий, что даже при соблюдении всех условий субъект такое право сможет реализовать в конкретном государстве. Отсюда возникает и риск его возвращения в страну, которую он покинул.

В-третьих, политическое убежище, как правило, предоставляется на весьма ограниченный срок. В результате субъект оказывается в условиях жёсткой неопределённости. Более того, действуют и ограничения, исключающие возможность повторного использования права на политическое убежище, по крайней мере в рамках международного права [8, с. 198].

Перечисленные обстоятельства характеризуют рассматриваемое право как одно из наиболее сложно реализуемых, причём его реализация неизменно порождает конфликтную ситуацию, а его признание во многом становится результатом компромисса.

Нельзя не сказать о том, что решения, которые принимаются в конкретном государстве относительно предоставления или непредоставления политического убежища, в значительной мере опосредуют возможность человека в дальнейшем искать убежище в другом государстве. В этой связи, например, Федеральный

закон «О беженцах» в п. 3 ч. 1 ст. 5. в качестве основания для отказа в рассмотрении ходатайства предусматривает именно обоснованный отказ в предоставлении убежища в другом государстве, если законодательство такого государства не противоречит действующему в России законодательству.

Заключение

Проведённый анализ актуализирует проблему поиска возможностей для устранения барьеров к реализации права человека на получение политического убежища. В этой связи стоит рассмотреть вопрос об отказе от практики, исходя из которой формально обоснованный отказ в предоставлении убежища в одном государстве лишает человека права ходатайствовать о политическом убежище в другом государстве. С учетом этого в рамках российского законодательства стоит пересмотреть и, возможно, отменить п. 3 ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О беженцах», согласно которому лицу отказывается в рассмотрении ходатайства по существу, если оно получило обоснованный отказ в признании беженцем в любом из государств, присоединившихся к Конвенции ООН о статусе беженцев и (или) к Протоколу 1967 г., касающемуся статуса беженцев.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Известия. 1989. № 344.
3. Конвенция о статусе беженцев (принята 28.07.1951 Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14.12.1950) // Действующее международное право. В 3 т. М.: МНИМП, 1996. Т. 1.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании

- Генеральной Ассамблеи ООН) // Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН; Нью-Йорк, 1992.
5. Декларация о территориальном убежище (Принята резолюцией 2312 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 14.12.1967) // Действующее международное право. В 3т. М.: МНИМП, 1996. Т. 1.
 6. Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 13.06.2023) «О беженцах» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 26. Ст. 2956.
 7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.06.2025 по делу № А56-64401/2020 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1313022323>
 8. Василенкова А.А., Ильина В.Ю., Кобесова Д.А., Коригов М.Р. Проблемы реализации права на политическое убежище в современных межгосударственных отношениях // Право и государство: теория и практика. – 2023. № 12(228). С. 197-199.
 9. Захаров И.А., Агафшин М.М. Реформирование политики убежища и контроля нелегальной миграции: общеевропейский и польский подход // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 3. С. 92–106
 10. Медушевский Н.А., Нансия Т.И. Концептуальные основы миграционной политики ЕС и ее современная трансформация: тенденции законодательства конфедерации // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11. С. 223–230.
 11. Семенова О.О. Институт права убежища в России и Федеративной Республике Германия (конституционно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2024. 221 с.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v ходе obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.

2. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948) // Izvestiya. 1989. № 344.
3. Konvenciya o statuse bezhencev (prinyata 28.07.1951 Konferenciej polnomochny`x predstavitelej po voprosu o statuse bezhencev i apatridov, sozvannoj v sootvetstvii s rezolyuciej 429 (V) General'noj Assamblei ot 14.12.1950) // Dejstvuyushhee mezhdunarodnoe pravo. V 3 t. M.: MNIMP, 1996. T. 1.
4. Mezhdunarodny`j pakt o grazhdanskix i politicheskix pravax (Prinyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON) // Sbornik standartov i norm OON v oblasti preduprezhdeniya prestupnosti i ugovolnogo pravosudiya. OON; N`yu-Jork, 1992.
5. Deklaraciya o territorial`nom ubezhishhe (Prinyata rezolyuciej 2312 (XXII) General'noj Assamblei ot 14.12.1967) // Dejstvuyushhee mezhdunarodnoe pravo. V 3t. M.: MNIMP, 1996. T. 1.
6. Federal'ny`j zakon ot 19.02.1993 № 4528-1 (red. ot 13.06.2023) «O bezhenczah» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1997. № 26. St. 2956.
7. Opredelenie Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 04.06.2025 po delu № A56-64401/2020 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1313022323>
8. Vasilenkova A.A., Il`ina V.Yu., Kobesova D.A., Korigov M.R. Problemy` realizacii prava na politicheskoe ubezhishhe v sovremenny`x mezhgosudarstvenny`x otnosheniyax // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2023. № 12(228). S. 197-199.
9. Zaxarov I.A., Agafoshin M.M. Reformirovanie politiki ubezhishha i kontrolya nelegal`noj migracii: obshheevropejskij i pol`skij podxod // Vestnik mezhdunarodny`x organizacij. 2023. T. 18. № 3. S. 92–106.
10. Medushevskij N.A., Nansiya T.I. Konceptual'ny`e osnovy` migracionnoj politiki ES i ee sovremennaya transformaciya: tendencii zakonodatel`stva konfederacii // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2024. № 11. S. 223–230.

11. Semenova O.O. Institut prava ubezhishha v Rossii i Federativnoj Respublike Germaniya (konstitucionno-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. jurid. nauk. Tomsk, 2024. 221 s.

Научная статья

УДК 341

ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА КИБЕРПРОСТРАНСТВА

**Коккалера Стуги, Ph.D., Университет штата Сэм Хьюстон, Хантсвилл,
Техас, США, stutikokk_shsu@mail.ru**

Аннотация

В статье исследуется проблема международно-правового обеспечения единства киберпространства, становящаяся все более актуальной в последние годы. В рамках рассмотрения темы затронут терминологический аспект и подчеркнута фактическая идентичность киберпространства интернет-пространству, хотя данные понятия не всегда рассматриваются как тождественные. Не подвергаемая сомнению специфика киберпространства заключается в том, что оно, по сути, затрагивает все сферы общественной жизни и носит глобальный характер, но его единство может быть подвергнуто сомнению, а потому рассматривается как условная характеристика. Среди проблем отмечено отсутствие единой международно-правовой основы функционирования киберпространства именно в глобальном масштабе, что в статье расценивается и как ключевой фактор, препятствующий формированию полноценного единства киберпространства. Помимо того, выделены и иные факторы, не способствующие единству, а именно возникающие между государствами противоречия, потребность в защите государственного суверенитета, различия во взглядах на вопрос регулирования киберпространства, киберпреступность и пр. Признана важная роль Конвенции против киберпреступности, хотя она регламентирует лишь один из множества аспектов глобального киберпространства. Сделаны некоторые выводы, отражающие авторское видение дальнейшего развития киберпространства в аспекте его единства и международного права.

Ключевые слова: интернет-пространство, киберпреступность, киберпространство, международное право, национальное право, сеть Интернет

Статья поступила в редакцию 18.07.2025, одобрена после рецензирования 20.09.2025, принята к публикации 14.11.2025.

Original article

THE PROBLEM OF INTERNATIONAL LEGAL SUPPORT FOR THE UNITY OF CYBERSPACE

Stuti Kokkalera, Ph.D., Sam Houston State University, Huntsville, Texas, USA

Abstract

The article examines the problem of international legal support for the unity of cyberspace, which has become increasingly relevant in recent years. As part of the discussion of the topic, the terminological aspect is touched upon and the actual identity of cyberspace to the Internet space is emphasized, although these concepts are not always considered identical. The undeniable specificity of cyberspace lies in the fact that it, in fact, affects all spheres of public life and is global in nature, but its unity can be questioned, and therefore is considered as a conditional characteristic. Among the problems noted is the lack of a unified international legal framework for the functioning of cyberspace on a global scale, which the article regards as a key factor preventing the formation of a full-fledged unity of cyberspace. In addition, other factors that do not contribute to unity are highlighted, namely the contradictions that arise between states, the need to protect state sovereignty, differences in views on the issue of regulating cyberspace, cybercrime, etc. The important role of the Convention against Cybercrime is recognized, although it regulates only one of the many aspects of global cyberspace. Some conclusions are drawn reflecting the author's vision of the further development of cyberspace in terms of its unity and international law.

Keywords: Internet space, cybercrime, cyberspace, international law, national law, the Internet

Введение

Принято считать, что термин «киберпространство» был введен в оборот У. Гибсоном в 1982 г., а в 1990-х гг. указанный термин уже широко употреблялся в целях обозначения сети Интернет [8, с. 7], став, по сути, общепринятым. С тех пор проблематика развития киберпространства приобрела чрезвычайную актуальность, причём рассматривалась вне рамок правового поля какой-либо конкретной страны.

Современная повестка, анализируемая в настоящей статье, порождена, с одной стороны, сложившимися за последние три десятилетия представлениями о сети Интернет как некой «всемирной паутине», где нет места каким-либо национальным, формальным границам, с другой стороны, необходимостью защиты национальных (государственных) интересов, в том числе и в интернет-пространстве.

Небывалый уровень охвата населения, причём как России, так и других стран, сетью Интернет, создал колоссальные коммуникативные возможности для решения самых разных задач и безусловную свободу информации, используемую не только в развлекательных целях. Однако, обеспечивая потребность в защите национальных интересов, государства пересматривают взгляды на единое киберпространство, пытаясь очертить определённые национальные границы. Отсюда и проблема международно-правового обеспечения его единства, становящаяся особенно значимой в условиях отсутствия единой нормативной международно-правовой основы.

Основная часть

Учитывая, что в современном мире, где из всех коммуникационных сетей наибольшее распространение получила именно сеть Интернет, развитие киберпространства связывается именно с ней. Поэтому вопрос единства киберпространства является вопросом единства интернет-пространства [4, с. 124].

Здесь стоит более внимательно отнестись к терминологическому вопросу. Сам термин «киберпространство» образован двумя словами. Слово «кибер» отражает отношение такого пространства к электронной и компьютерной информации, компьютерным технологиям. Что же касается слова «пространство», то оно является средством обозначения определённой территории, имеющей свои очертания, пусть и не вполне конкретные, не вполне определённые. Исходя из этого, в науке киберпространство может рассматриваться в совершенно различных аспектах. В любом случае это своеобразный режим или система, куда входят как физические объекты, так и объекты виртуальные, в том числе аппаратное обеспечение, программное обеспечение и пр. элементы, причём представляющие компьютерные системы большинства стран мира, в том числе и средства обеспечения сети Интернет. И хотя понятие «киберпространство» часто рассматривается как более широкое в сравнении с понятием Интернет [Иванова, с 33-34], практика свидетельствует о том, что именно с сетью Интернет киберпространство чаще всего отождествляется.

Учитывая, что Интернет охватывает практически все сферы распространения информации, его глобальность сомнений не вызывает. Хотя о единстве можно говорить лишь с определённой долей условности.

Д.Э. Ковригин рассматривает киберпространство в качестве важнейшего компонента пространства информационного. Причём он обращает внимание на крайне важные составляющие такого пространства. В первую очередь, по мнению указанного автора, киберпространству присущи признаки пространства физического, что каких-то сомнений не вызывает, ведь каждое сообщение, которое отправляется посредством сети Интернет, имеет:

- определённую точку отправления;
- точку получения;
- маршрут передачи;
- времени передачи;

- расстояние передачи [4, с. 126].

Безусловно, операция передачи и получения информации в рамках киберпространства может описываться и какими-то иными характеристиками. Однако это не столь важно. Перечисленные выше характеристики достаточны для того, чтобы совершенно уверенно говорить о наличии именно пространства (в контексте передачи информации в сети Интернет). Хотя описать его зачастую довольно сложно, особенно с учётом отсутствия единой нормативной правовой базы, которая бы определяла порядок функционирования такого пространства и какие-либо границы, либо границы исключала бы.

Но нельзя не отметить, что наряду с перечисленными характеристиками физического характера киберпространству свойственны и особенности пространства виртуального, обеспечиваемые за счёт использования специальных программ и информации [4, с. 126].

Таким образом, использование понятия «пространство» применительно к сети Интернет вполне обоснованно. И фактор территории в любом случае играет немаловажную роль, особенно если учесть зависимость киберпространства от конкретных физических ресурсов, посредством которых обеспечивается коммуникация, а они в свою очередь привязаны к определённой территории или, по крайней мере, имеют определённые территориальные характеристики.

Сформировать предельно точные и однозначные представления о специфике киберпространства – задача весьма непростая. В международном праве имеется 28 вариантов определения термина «киберпространство», и это не случайно, ведь технологии, используемые в киберпространстве, как и само киберпространство, непрерывно развиваются [2, с. 34].

В результате постепенно киберпространство обретает новые свойства. Это же можно сказать и о праве, обеспечивающем функционирование данного пространства. И если ещё два десятилетия назад говорить о каких-либо границах применительно к киберпространству было не принято, то в настоящее время эти границы приобретают вполне конкретные очертания, отчасти совпадающие и с

границами того или иного государства, если таковое независимо в обеспечении своей юрисдикции и в реализации своей политики. Особенно эта специфика становится очевидной в условиях международного противостояния и острых конфликтов, когда противоборство проявляется не только в пределах конкретной территории, имеющей физические характеристики, но и в рамках киберпространства.

Тем не менее, при рассмотрении киберпространства не только в рамках международного права, но и в рамках национального законодательства многих стран, оно понимается именно как глобальная среда. Такой подход, например, прослеживается в официальных документах США, где акцентировано внимание именно на глобальности киберпространства, включённости в него сетей инфраструктур, в том числе Интернет, телекоммуникационных сетей, компьютерных систем и пр. Также киберпространство может рассматриваться как система, включающая в себя всю совокупность коммуникационных, информационных технологий, которые находятся во взаимосвязи. Вместе с тем, киберпространство может быть определено и как некоторое виртуальное пространство, базирующееся на электронных данных компьютеров, которые в целом обращаются по всему миру. Все это отражает наличие нескольких уровней киберпространства: информационного, структурного и технологического [4, с. 125].

Конечно, каждый из вариантов определения может быть проанализирован максимально детально, однако в данном случае интерес представляет не их анализ, а сама вариативность взглядов на киберпространство. Все это отражает его неконкретность, размытость, что не может способствовать и выработке какой-то единой концепции, исходя из которой не только будет формироваться единая доктринальная основа киберпространства на международном уровне, но и нормативная основа функционирования киберпространства.

Опираясь на изложенное, нельзя сказать, что именно единство является не подлежащей оспариванию характеристикой киберпространства. Чаще всего

внимание акцентируется именно на глобальности киберпространства, а его единство выступает лишь условной характеристикой.

В этой связи актуализируется и вопрос государственного суверенитета в условиях киберпространства. Точки зрения относительно него высказываются диаметрально противоположные. Например, исследователи, придерживающиеся либеральных позиций, склонны отрицать необходимость правовой регламентации вопросов, связанных с использованием киберпространства. Наиболее радикальные сторонники свободы и единства интернет-пространства рассматривают данный феномен как своеобразный пример «ничейной земли». И если придерживаться их позиции, то в конечном итоге киберпространство может стать некоторым надтерриториальным пространством [2, с. 35]. Такой взгляд, с одной стороны, заслуживает внимания и интересен, по крайней мере, с точки зрения научного, философского осмысления, в том числе в контексте прав и свобод человека, и свободы информации (права на информацию).

Однако в условиях реального мира, где имеет место постоянное противостояние между государствами и (или) их блоками, и где пользователями интернет-ресурсов является подавляющее большинство населения, а передаваемая информация носит значимый характер с точки зрения решения важнейших оборонных, политических, правовых, финансово-экономических задач, говорить о полной свободе и абсолютном единстве киберпространства без каких бы то ни было ограничений, не представляется возможным. В конечном итоге вопрос регулирования – это, в том числе, и вопрос противостояния киберпреступности, а он обсуждается и на уровне ООН.

Думается, что противники регулирования вопросов использования киберпространства, ратующие за его абсолютное единство, в большей мере преследуют утопические, нежели реально достижимые цели. И такие идеи будут оставаться утопическими до тех пор, пока мир состоит из суверенных государств, каждое из которых самостоятельно в осуществлении своей политики и реализации своей юрисдикции.

Между тем, радикальных сторонников свободы киберпространства и его единства отчасти можно понять, поскольку есть и примеры, когда глобальность и единство киберпространства отрицается вовсе, а регулирование приобретает максимально жёсткий характер. Наиболее ярким примером в этой связи является Северная Корея, информационное пространство которой полностью изолировано от мирового киберпространства. Менее жёстким является режим регулирования информационного пространства к Китаю, где национальный сегмент киберпространства «Кванмен» также характеризуется определенной изолированностью [2, с. 36].

Большинство государств радикальных взглядов на киберпространство не поддерживает, благодаря чему оно продолжает оставаться глобальным, пусть и с некоторыми ограничениями, и фактор ограничений означает некоторую условность единства.

Можно выделить также три подхода, с позиции которых рассматривается киберпространство в контексте государственного суверенитета. В рамках первого подхода суверенитет государства в киберпространстве полностью отрицается, в связи с чем такой подход принято рассматривать как нигилистический. Сторонники либеральной позиции, о которых было сказано ранее, придерживаются именно такого подхода. В рамках второго подхода, который в большей мере распространён в странах запада, важная роль суверенитета хотя и признается, однако вместе с тем признается и невозможность или ограниченность возможности его реализации именно в киберпространстве. Причём многие сторонники такого подхода в большей мере склонны оперировать понятием «юрисдикция», а не «суверенитет». Такое понятие отражает фактическую способность государства применять меры принуждения в киберпространстве. В рамках третьего подхода принято исходить из реального положения дел и признавать повышение интереса государств к укреплению своего суверенитета в рамках киберпространства. Сторонники такого подхода в большей мере ориентированы не на выработку теоретических

идей, а именно на поиск путей практического обеспечения международно-правовой основы киберпространства, с учётом заинтересованности государств в обеспечении своего суверенитета [3, с. 103-105].

Проблема в том, что в современном международном праве нет какого-либо единого регулирующего документа в ранге конвенции, который бы именно на глобальном уровне регламентировал вопросы функционирования и использования киберпространства, а также конкретизировал бы те или иные нюансы единства такого пространства. И хотя государства в вопросах регулирования киберпространства взаимодействуют, их взаимодействие в большей мере ориентировано на обеспечение кибербезопасности [2, с. 36]. С изложенной позицией нет оснований не согласиться. Действительно отсутствие единой нормативной основы на международном уровне не позволяет говорить о том, что киберпространство в целом является единым.

Бесспорно, суверенитет государства и меры по поддержанию (защите) суверенитета являются ключевыми факторами, которые исключают абсолютизацию единства киберпространства. В любом случае государство в пределах своей территории, в том числе в воздушном пространстве и акватории, способно поддерживать суверенитет, обеспечивать свою юрисдикцию. Это означает и фактический контроль над физической основой киберпространства, которая расположена в пределах его территории. Иначе говоря, дата-центры, пункты передачи данных, телекоммуникационные компании, пользователи сети Интернет подконтрольны государству в пределах его территории. Более того, государство в пределах своей территории контролирует и контакты своих субъектов с иностранными гражданами, компаниями, организациями [4, с. 128]. Изложенное в целом присуще практически любому государству в большей или меньшей мере. Соответственно, киберпространство для рядовых пользователей является единым лишь в той мере, в какой это признается конкретными государствами.

Безусловным, фактором, стимулирующим государство к введению определённых ограничений, является киберпреступность, которая носит глобальный характер и усиливается с каждым годом. Несмотря на это, рост доступности интернет-ресурсов расценивается в качестве фактора прогресса [1].

Надо сказать, что именно вопрос киберпреступности заботит больше всего государства, все мировое сообщество и ООН в частности. Вывод об этом можно сделать, основываясь на Докладе Генерального секретаря ООН. Примечательно, что в указанном докладе акцент делается именно на обеспечении защищённости мирового киберпространства. О его единстве же не упоминается. Хотя использование понятия «мировое киберпространство», очевидно, означает наличие определённого единства, которое с позиции руководства ООН представляется важной характеристикой киберпространства.

Примечательно, что в указанном Докладе ничего не говорится в целом о поиске инструментов регулирования киберпространства. Думается, что во многом это объяснимо конфликтом юрисдикций [5, с. 236]. В этой связи конфликт юрисдикций не случаен.

Сложилось так, что сеть Интернет изначально контролировалась именно Соединёнными Штатами Америки посредством корпорации ICANN. Несмотря на некоторую либерализацию регулирования инфраструктуры Интернета в 2016 г., США сохранили за собой контроль за инфраструктурой [6, с. 49-50]. Это в определённом смысле тоже стимулирует отдельные государства если не изолировать национальный сегмент киберпространства в глобальной сети, то, по крайней мере, вводить более или менее существенные ограничения.

Здесь нельзя, однако, отрицать некоторые объективные реалии, ограничивающие возможность контроля со стороны государства. Например, территорию, в пределах которой правообладатель может контролировать использование собственных интеллектуальных прав, основываясь на национальном законодательстве, практически невозможно установить [7, с. 186]. В контексте изложенного нельзя не согласиться с тем, что сеть Интернет, как и

киберпространство в целом, не подпадает под единообразное международно-правовое регулирование, носит трансграничный характер, выходит за рамки юрисдикции конкретного государства [9, с. 25].

Заключение

Киберпространство в глобальном масштабе можно считать единым лишь с некоторой долей условности, так как общепринятые правила его функционирования, которые были бы закреплены на уровне ООН, отсутствуют. В части регулирования киберпространства на этом уровне действует лишь Конвенция против киберпреступности. Документ же уровня конвенции, который бы регламентировал ключевые аспекты киберпространства, отсутствует, вопросы его разработки остаются лишь на уровне обсуждения.

Полноценному обеспечению единства киберпространства препятствуют, в частности, противоречия между государствами и их блоками, необходимость защиты государственного суверенитета, киберпреступность, принципиальные различия в использовании законодательных подходов к регламентации вопросов использования киберпространства и отдельных аспектов, касающихся оборота информации.

Между тем, необходимость обеспечения единства сомнений не вызывает. Ориентируясь на итоги проведенного анализа, в качестве одного из ключевых направлений развития международного права вполне можно выделить именно формирование правовой основы функционирования киберпространства. И в рамках этого направления центральный вопрос должен касаться разработки Конвенции о международно-правовом режиме киберпространства, в числе главных целей которой должно стать обеспечение международно-правовой основы единства и безопасности киберпространства с учетом сформированности глобального киберпространства его национальными сегментами.

Список литературы

1. Для человечества: Доклад Генерального секретаря о работе ООН (А/80/1,

80-я сессия ООН) // Официальный портал ООН. URL:
https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_annual_report_2025_ru.pdf

2. Иванова К.А., Мылтыкбаев М.Ж., Штодина Д.Д. Понятие киберпространства в международном праве // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 4. С. 32-44.

3. Капустин А.Я. Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 6. С. 99-108.

4. Ковригин Д.Э. Границы государственного суверенитета национального сегмента киберпространства // Власть. 2023. Т. 31, № 1. С. 124-129.

5. Мажорина М.В. Киберпространство и методология международного частного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 230–253.

6. Терентьева Л.В. Разграничение экстратерриториальной и территориальной юрисдикции в киберпространстве // Право и цифровая экономика. 2022. № 1 (15). С. 41-51.

7. Устинова А.В. Гражданско-правовая охрана интернет-вещания: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2023. 235 с.

8. Цветков В.Я., Курдюков Н.С. Анализ развития киберпространства // Информатизация образования и науки. 2024. № 4(64). С. 6-15.

9. Черемисинова М.Е. Правовой статус субъектов в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 273 с.

References

1. Dlya chelovechestva: Doklad General'nogo sekretarya o rabote OON (A/80/1, 80-ya sessiya OON) // Oficial'ny`j portal OON. URL:
https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_annual_report_2025_ru.pdf

2. Ivanova K.A., My`lty`kbaev M.Zh., Shtodina D..D. Ponyatie kiberprostranstva v mezhdunarodnom prave // Pravoprimerenie. 2022. T. 6, № 4. S. 32-44.
3. Kapustin A.Ya. Suverenitet gosudarstva v kiberprostranstve: mezhdunarodno-pravovoe izmerenie // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2022. T. 18. № 6. S. 99-108.
4. Kovrigin D.E`. Granicy gosudarstvennogo suvereniteta nacional`nogo segmenta kiberprostranstva // Vlast`. 2023. T. 31, № 1. S. 124-129.
5. Mazhorina M.V. Kiberprostranstvo i metodologiya mezhdunarodnogo chastnogo prava // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2020. № 2. S. 230–253.
6. Terent`eva L.V. Razgranichenie e`kstraterritorial`noj i territorial`noj yurisdikcii v kiberprostranstve // Pravo i cifrovaya e`konomika. 2022. № 1 (15). S. 41-51.
7. Ustinova A.V. Grazhdansko-pravovaya oxrana internet-veshhaniya: sravnitel`no-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. Perm`, 2023. 235 s.
8. Czvetkov V.Ya., Kurdyukov N.S. Analiz razvitiya kiberprostranstva // Informatizaciya obrazovaniya i nauki. 2024. № 4(64). S. 6-15.
9. Cheremisinova M.E. Pravovoj status sub``ektov v seti Internet: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2020. 273 s.

CONTENTS

5.1.4. Criminal Law Sciences.....	9
Graham L.D. DEBATABLE ISSUES OF RECOGNIZING THE PRIORITY OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION OVER OTHER FEDERAL LAWS	9
By Sebastian J. 389.17 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	20
Moroz O. ADMINISTRATIVE PREJUDICE AS A CONDITION FOR CRIMINALIZING DRIVING UNDER THE INFLUENCE OF ALCOHOL.....	32
Kunitskaya O.M. CRIMINAL PROCEDURE PROBLEMS OF PRESENTING A PERSON FOR IDENTIFICATION.....	44
Yarmots Ye. EXCEEDING THE MAXIMUM PERIOD OF DETENTION AS A PROBLEM IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS	57
5.1.5. International Legal Sciences	68
Chopin J. ON THE PROBLEM OF RECOGNITION OF RUSSIAN DIPLOMAS OF EDUCATION ABROAD.....	68
Fradella G. CURRENT STATE OF INTERNATIONAL LEGAL GUARANTEES FOR PROTECTING THE INTERESTS OF PRIVATE INVESTORS	79
Taylor M.P. ACCOUNTING FOR GENERALLY RECOGNIZED PRINCIPLES AND NORMS OF INTERNATIONAL LAW IN THE PRACTICE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	90
Rokhov D. THE HUMAN RIGHT TO SEEK ASYLUM FROM PERSECUTION IN OTHER COUNTRIES: NATIONAL AND INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS	102
Kokkalera S. THE PROBLEM OF INTERNATIONAL LEGAL SUPPORT FOR THE UNITY OF CYBERSPACE.....	115